БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

ЛѢТОПИСЬ

ЕВРЕЯ-СОВРЕМЕННИКА,

НАТАНА ГАННОВЕРА,

о событіяхъ 1648-1653 годовъ въ Малороссіи вообще и о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ особенности.

Переводъ съ древне-еврейскаго языка, съ предисловіемъ и примѣчаніями

Соломона Манделькерна,

Доктора Философіи, кандидата Восточныхъ языковъ и Юридическихъ наукъ.

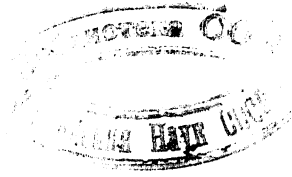
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ЛЕЙПЦИГЪ, Вольфгангъ Гергардъ. | LEIPZIG, Wolfgang Gerhard.

Центральный книжный магазинъ для славянскихъ странъ.

1883.

2 ШК
Г



172
37

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

При всей обширности еврейской литературы, не уступающей, въ количественномъ отношеніи, ни одной въ мірѣ, она крайне бѣдна сочиненіями чисто историческими. Потерявъ свою независимость и переставъ жить политическою жизнью, разсѣянный еврейскій народъ игралъ уже только пассивную роль во всеобщей исторіи. Вмѣсто прежнихъ лѣтописей о своихъ славныхъ царяхъ или о доблестныхъ герояхъ-патріотахъ, такъ долго и мужественно отстаивавшихъ свое отечество отъ рукъ всесокрушителей-варваровъ, являются историческими памятниками народной жизни лишь одни „скорбные листки“, въ видѣ унылыхъ *„списковъ постамъ“*, установленнымъ на извѣстные дни, въ память бѣдствій, постигшихъ евреевъ въ разное время и сухихъ перечней дней, въ которые постъ возбраненъ и обязательно празднованіе, въ память чудеснаго избавленія отъ угрожавшихъ Іудейству бѣдъ *(„Мегилотъ-Таанитъ“)*. Но такъ какъ различнаго рода бѣдствія, словно изъ Пандорова ящика, начали безпрерывно

сыпаться на бездольную голову горемычнаго народа, то онъ въ отчаяніи махнулъ рукою, пересталъ вовсе вносить помину о нихъ въ печальныя анналы свои и устанавливать по нимъ посты и праздники [1]).

Въ эту безотрадную эпоху, еврейскіе ученые, какъ бы забывъ весь внѣшній политическій міръ, всецѣло предавались изученію и объясненію на тысячу ладовъ своихъ примѣняемыхъ и непримѣняемыхъ религіозныхъ правилъ; посвящали свои неутомимые и кропотливые труды только одной Торѣ, Талмуду и его безчисленнымъ комментаріямъ.

Только особенно выдававшіяся историческія событія, которыя сильно затрогивали судьбу евреевъ и потрясали весь его духовный и матеріальный огранизмъ, побуждали его ученыхъ браться за перо и писать о пережитомъ ими бѣдственномъ положеніи. Но и эти событія были излагаемы ими подробно на столько, на сколько они относились

[1]) По поводу прекращенія листовъ о постахъ одинъ изъ знаменитыхъ талмудистовъ, раби - Симонъ-бенъ-Гамліэль, замѣтилъ: „Мы не менѣе предковъ нашихъ лелѣемъ память о пережитыхъ нами бѣдствіяхъ, но описывать ихъ всѣхъ не хватаетъ у насъ силъ“ (Трактатъ Суббота, листъ 13, b.) —

къ своимъ единовѣрцамъ-евреямъ, а все остальное описывалось поверхностно и не съ надлежащею точностью.

Къ числу такихъ рѣдкихъ событій, безспорно, принадлежитъ знаменитое казацкое возстаніе въ Малороссіи, стоившее такъ много жертвъ евреямъ польскаго королевства въ XVII столѣтіи. И дѣйствительно, эта ужасная эпоха поголовнаго возмущенія казачества оставила намъ достаточное количество еврейскихъ литературныхъ памятниковъ, различнаго рода формы и содержонія [2]).

Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ отличается особенною полнотою, ясностью изложенія, достовѣрностью данныхъ и другими достоинствами предлагаемое нынѣ мною сочиненіе въ русскомъ переводѣ [3]). Авторъ его —

[2]) За исключеніемъ нѣкоторыхъ, какъ напр. соч. Петахъ-Тешуба, изд. 1653, которымъ я воспользовался при составленіи своей Исторіи Россіи на древн. библ. яз., ч. II гл. 44, почти всѣ они указаны знаменитымъ еврейскимъ историкомъ Грецомъ въ Geschichte der Juden T. X., p. 65, въ примѣч. — Одно изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ „Цокъ-Гантимъ“, т. е. „Бѣдствія временъ“ переведено на русскій языкъ М. Берлиномъ и помѣщено въ „Чтеніи въ общ. истор. и древ. россійск.“ 1855 кн. I. Отд. оттиски, Москва 1859.

[3]) Грецъ также называетъ разсказъ Ганновера весьма вѣрнымъ и благонадежнымъ (sehr treu und zuverlässig).

современникъ-очевидецъ, заславскій еврей *Натанъ Моисеевъ Ганноверъ,* по происхожденію потомокъ германскихъ евреевъ (ашкенази). Отецъ его былъ убитъ казаками въ смутное время казачьяго возстанія[4]), а онъ самъ успѣлъ бѣжать и добраться до Венеціи, гдѣ онъ впервые напечаталъ свой разсказъ въ 1653 г.[5]). Въ концѣ своего повѣствованія, Ганноверъ описываетъ въ сжатомъ очеркѣ

Д-ръ Кассель то же утверждаетъ, что лѣтопись нашего автора принадлежитъ къ достойнѣйшимъ историческимъ трудамъ у евреевъ (Ersch u. Gruber Encyclopädie, XXX. Art. Juden p. 136 Note 96).

[4]) Это я заключаю изъ того, что на заглавномъ листѣ значится при имени отца автора „га-кадошъ" т. е. святой (мученикъ), а затѣмъ иниціалы г. и. д. (гашемъ инкомъ дамо), что значитъ: „Да отомститъ Богъ за кровь его!"

[5]) Второе изданіе послѣдовало въ Диргенфуртѣ, въ 1727 г., нѣсколько разъ перепечат. въ Жолквахъ и пр., а послѣднее въ 1872 г. въ Варшавѣ, съ прибавленіемъ упоминаемаго нами въ слѣдующемъ примѣч. Посланія, а также очеркъ о постепенномъ улучшеніи быта евреевъ подъ скипетромъ русскихъ Монарховъ. На евр. жаргонѣ оно явилось еще въ 1676, а затѣмъ послѣдовали и различныя евр. изданія, въ особенности въ Россіи. Это соч. Ганновера переведено также на французкій языкъ И. Беньяминомъ 2-мъ, пересмотрѣно и снабжено примѣчаніями извѣстнымъ историкомъ Лелевелемъ (Tlemcen 1855) подъ заглавіемъ: „Quatre années de guerre des Polonais contre les Russes et les Tartares"; затѣмъ Беньяминомъ же издано и въ нѣмецкомъ переводѣ (Hannover, 1863), съ введеніемъ Д-ра С. Кейзерлинга, подъ заглав. „Iawan

весьма интересный бытъ современныхъ ему польскихъ евреевъ. Этотъ очеркъ можетъ служить надежнымъ источникомъ для тѣхъ добросовѣстныхъ историковъ, которые, безъ сомнѣнія, стѣснятся черпать данныя для характеристики внутренней жизни евреевъ прошлыхъ вѣковъ изъ *открываемыхъ*, неизвѣстно гдѣ, какъ и кѣмъ, такъ называемыхъ „кагальныхъ актовъ", которые еще вдобавокъ исковерканы произвольными тенденціозными поправками и вставками, доходящими подчасъ до изумительныхъ размѣровъ....

Съ своей стороны, я воздерживаюсь отъ оцѣнки этого новаго въ русской печати

Mezula, Schilderung des polnisch-kosakischen Krieges" etc. — См. „Hamaskir" Hebräische Bibliographie, herausg. von M. Steinschneider, Jahrgang 1864, B. VII, № 37). Послѣднимъ переводомъ пользовался F. Nuofer, въ своей диссертаціи: „Die erste Phase des Aufstandes der Kosaken unter Chmielnicki in den Jahren 1648—1649." (Leipzig 1869.) — Ганноверу принадлежитъ еще нѣсколько сочиненій по части гомилетики и каббалы. Особенно замѣчательны его евр.-нѣм.-итал.-латинскій словарь (Sapha Berurah, Prag 1662) и весьма популярный сборникъ разныхъ молитвъ Schaare Zion (см. Fürst, Bibliotheca Judaica, Art. Hannover). Послѣ нѣкотораго пребыванія Ганновера въ Венеціи, онъ жилъ въ Ясахъ, гдѣ былъ представителемъ еврейской общины; къ концу своей жизни возвратился въ Италію и скончался въ Павіи-ди-Сако. По Цунцу же онъ былъ убитъ въ Бродѣ, въ Венгріи, 14. Іюля 1663 г.

историческаго матеріала, оставляя пока эту задачу нашимъ компетентнымъ спеціалистамъ; замѣчу только, что если нашъ знаменитый историкъ *Н. Костомаровъ*, при составленіи своего „Богдана Хмѣльницкаго", счелъ нелишнимъ воспользоваться кое-какими скудными данными изъ *Посланія Виленскаго Раввина* [6]), то настоящій трудъ доставитъ читателю несравненно болѣе богатый матеріалъ во всѣхъ отношеніяхъ

Что же касается моего перевода, то я держался, по возможности, подлинныхъ выраженій и почти библейскаго слога автора, и отмѣчалъ заимствованные имъ довольно часто стихи Священнаго Писанія и изрѣченія Талмуда кавычками и курсивомъ, или указывалъ на мѣсто цитатъ. Этимъ способомъ я желалъ именно сохранить характеръ и колоритъ оригинала. Поэтому я смѣю расчитывать на снисходительность читателя, если онъ встрѣтитъ мѣстами нѣкоторую шероховатость въ переводѣ. Отступленій же отъ сказаннаго правила я позволялъ

---

[6]) См. Б. Х. стр. XI. № 65: „Посланіе раввина о бѣдствіяхъ, постигшихъ евреевъ отъ козаковъ". Slawische Jahrbücher, herausg. von Jordan 1840. Перев. Д-ра Фюрста. —

себѣ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, какъ напримѣръ относительно заглавія книги. Еврейскій подлинникъ носитъ библейское метафорическое названіе: „Іевенъ Мецула“, заимствованное изъ Псалтиря [7]); оно собственно значитъ „глубокая грязь“. Авторъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду созвучіе слова „Іевенъ“ съ словомъ „Іаванъ“ — Греція; отсюда „Іевани“ — Грекъ (Дан. VIII, 21; Іона IV, 6). Названіе Іавенъ присвоено еврейскими писателями всѣмъ христіанскимъ народамъ, исповѣдывающимъ Греко-Восточную религію... Затѣмъ пропущено мною фразистое предисловіе автора, какъ не заключающее въ себѣ особенно существеннаго.

Сколько трудностей мнѣ пришлось вообще преодолѣть при переводѣ, могутъ судить только люди, болѣе или менѣе знакомые съ кудреватымъ слогомъ смѣшаннаго еврейско-халдейскаго нарѣчія.

Лейпцигъ, 1882 *года.* *Д-ръ С. Манделькернъ.*

[7]) Псаломъ LXIX, ст. 3.

Лѣтопись современника о событіяхъ 1648-1653 годовъ, въ Малороссіи.

Въ 5345 году по сотвореніи міра (1585 г. по Р. Х.) на польскій престолъ взошелъ король шведскій Зигмундъ, а въ 5352 г. (1592) онъ вступилъ въ бракъ съ знатною дочерью брата Цезаря Рудольфа, Герцога Карла, Фердинандова сына, — Анною, какъ сказано въ нонцѣ книги *Цемахъ-Давидъ**). Былъ же онъ государь милостивый, благочестивый, правосудный и іудофилъ. Въ его время усилилась папская религія (католицизмъ) въ польскомъ королевствѣ, потому что до него большинство магнатовъ и знатныхъ чиновниковъ не было враждебно греческой вѣрѣ (православію) и смотрѣло на обѣ эти религіи безразлично; онъ же всячески старался возвышать магнатовъ и сановниковъ,

---

*) Хронографія еврейскихъ ученыхъ и писателей, а также царей и владѣтельныхъ особъ, доведена до 1592 г. Соч. нѣмецкаго еврея Давида Ганза (ум. въ Прагѣ 1613 г). — М.

исповѣдывавшихъ католичество, и унижалъ тѣхъ, которые держались греческой вѣры. Вслѣствіе этого, почти всѣ магнаты и сановники греческой вѣры измѣнили ей и перешли въ католичество, и вообще православный народъ сталъ бѣднѣть все болѣе и болѣе и превратился въ рабовъ польскихъ пановъ, кромѣ, однакоже, тѣхъ, которыхъ король выбралъ себѣ въ войско, какъ болѣе отважныхъ и вооруженныхъ, около 30,000 человѣкъ, которые и назывались *реестровыми* казаками: они были свободны отъ всякихъ государственныхъ и помѣщичьихъ налоговъ, но обязаны были жить на русской границѣ, смежной съ владѣніями татаръ, дабы охранять королевство отъ набѣговъ ихъ ордъ, такъ какъ татары всегда служили *камнемъ преткновенія* для Польши. Къ тому же съ давнихъ временъ существовала вражда между православными и татарами, отчего они часто воевали между собою. Вотъ почему казаки были избавлены отъ налоговъ и пользовались свободою наравнѣ съ шляхтою; остальная же часть казачества*), а также и русскіе, жившіе въ Малороссіи, находились подъ тяжкимъ гнетомъ магнатовъ и шляхтичей, ко-

*) т. е. выписчики. — М.

торые дѣлали ихъ жизнь горькою, обременяли ихъ всевозможными трудными работами, полевыми и домашними. Надъ ними были поставлены чиновники для взиманія большихъ налоговъ, а нѣкоторые изъ пановъ подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ, принуждая ихъ переходить въ католичество. Они были до такой степени удручены, что всѣ народности страны, даже стоявшія на низшей ступени въ ряду всѣхъ народовъ,*) господствовали надъ ними.

Бѣдствія отъ возстанія Наливайко.

Въ 5362 году по сотвореніи міра (1602), въ 17 годъ царствованія Зигмунда, возсталъ одинъ изъ полковниковъ, по имени Наливайко, чтобы отомстить за своихъ собратій — казаковъ. Онъ сказалъ своему народу: доколѣ мы будемъ переносить молча притѣсненія поляковъ! И вотъ они возмутились противъ королевства польскаго. Подъ знамя Наливайко собралось чрезвычайное множество народа, и онъ покорилъ всѣ русскія области до города Чуднова. Когда король услышалъ объ этомъ, то послалъ противъ бунтовщиковъ двухъ своихъ полководцевъ со всѣмъ

*) т. е. евреи. — М.

польскимъ войскомъ и артиллеріею, которое и побѣдило ихъ. Наливайко же схватили живаго и привезли въ Варшаву, къ королю, который и предалъ его суду за бунтъ, и съ нимъ поступлено было по закону. Единовѣрцевъ его стали притѣснять еще больше, а соучастниковъ-казаковъ оштрафовали тѣмъ, что число свободныхъ сократили до 20,000; остальные же должны были платить подати. Такимъ образомъ число казаковъ уменьшилось противъ прежняго на 10,000 человѣкъ — и королевство успокоилось.

Въ 5391 (1631) скончался король Зигмундъ, послѣ 46-ти лѣтняго царствованія въ Польшѣ, а на престолъ вступилъ сынъ его Владиславъ; онъ царствовалъ въ Польшѣ 16 лѣтъ и женатъ былъ на дочери цезаря Матіаса, сестрѣ Фердинанда, который нынѣ благополучно царствуетъ въ Вѣнѣ (Да возвеличится слава его и да сохранитъ его Господь!). Эта королева умерла въ 5405 г. (1645), а въ 5407 (1647) онъ вступилъ въ новый бракъ съ дочерью французскаго короля, сестрою нынѣ царствующаго во Франціи короля. Владиславъ также былъ государь милостивый, благочестивый, любитель правосудія и покровитель евреевъ; и миръ господствовалъ въ его время.

Бѣдствія отъ возстанія Павлюка.

На 7-мъ году царствованія Владислава, въ 5399 г. (1639) поднялся одинъ изъ казаковъ, по имени Павлюкъ, заступившійся за своихъ единовѣрцевъ-православныхъ, и произвелъ бунтъ. Къ нему стекались голяки, бѣглецы и множество праздношатающихся, и перешли они въ Запорожье, которое служило для нихъ притономъ: каждый разъ, когда православные бунтовались, они бѣжали туда, такъ какъ никто, кромѣ казаковъ, никогда не могъ туда добраться. Какъ только перебрался туда этотъ бунтовщикъ, къ нему перешли казаки и другіе православные сотнями и тысячами. Задумали казаки истреблять также евреевъ, жителей королевства, которое и раздѣлили между собою, предположивъ провозгласить злодѣя Павлюка королемъ въ резиденціи Варшавѣ; но Господь Богъ, Который вѣдаетъ людскія мысли, уничтожилъ ихъ намѣреніе и воздалъ имъ достойное возмездіе. Однакожъ, возвращаясь изъ подъ Запорожья, они, изъ-за грѣховъ нашихъ, разорили многія еврейскія синагоги и убили около 200 человѣкъ евреевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они разрушили костелы и убили множество ксендзовъ въ г. Ляховцахъ и Лубнахъ и въ ихъ окрест

ностяхъ; оставшіеся въ живыхъ убѣжали въ Польшу. Когда вѣсть объ этомъ бѣдствіи дошла до короля, онъ послалъ противъ бунтовщиковъ большое войско, подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ, а именно: Конецпольскаго и Потоцкаго; съ ними же былъ и извѣстный герой, по имени Лащь. Эти два полководца сражались съ бунтовщиками съ одной стороны, а герой Лащь взялъ съ собою около 600 человѣкъ и, обойдя ихъ, напалъ на нихъ изъ-за рощи съ другой стороны, и сообща нанесли сильное пораженіе казакамъ, очутившимся въ серединѣ. Павлюка, которому хотѣлось быть королемъ; схватили живымъ вмѣстѣ съ его сподвижниками и отправили въ кандалахъ въ Варшаву, гдѣ и *короновали* его. Устроили желѣзный тронъ, на который посадили его; палачъ надѣлъ ему на голову раскаленную корону и далъ ему въ руки раскаленный же желѣзный скипетръ; подъ нимъ подложили горящіе уголья, поддувая ихъ, такъ что онъ весь изжарился и испустилъ духъ.*)

*) Историки утверждаютъ, что король отмѣнилъ эту предположенную оригинальную казнь. Павлюку и его сообщникамъ отрубили головы и потомъ воткнули на колъ. (Костомаровъ: Б. Х. I., CXLVIII). Авторъ, вѣроятно, писалъ по дошедшимъ до него слухамъ до отмѣны способа казни. — М.

Сподвижники его также понесли сильныя наказанія. Когда же король увидѣлъ, что казаки тѣмъ не менѣе упорно продолжаютъ возмущеніе, то оштрафовалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: число реестровыхъ, свободныхъ отъ налоговъ, убавилъ съ 20,000 на 6,000, вслѣдствіе чего остальные уже должны были вносить подати, наравнѣ со всѣми простыми православными; кромѣ сего, онъ поставилъ надъ ними коронныхъ-польскихъ комисаровъ, чтобы удержать ихъ на будущее время отъ возмущенія. Но все это ни къ чему не повело: ибо „противъ Бога нѣтъ ни совѣта, ни мудрствованія“. И дѣйствительно — бѣда нагрянула!

Бѣдствіе отъ возстанія Хмѣля въ Россіи, Литвѣ и Польшѣ съ 5408 до 5412 г. (1648—1653).

Въ 5408 году (1648), на 16 г. царствованія Владислава жилъ-былъ въ Чигиринѣ одинъ казакъ, который по-русски назывался Хмѣлемъ, а по-польски Хмѣльницкимъ. Онъ былъ однимъ изъ казацкихъ сотниковъ и былъ чрезвычайно богатъ, имѣлъ множество скота, былъ уменъ, хитеръ и храбрый воинъ. Чигиринъ принадлежалъ тогда гетману Конецпольскому,

который хорошо зналъ Хмѣля и его стремленія, питалъ зависть къ его большому богатству и всегда тревожился по поводу его, часто повторяя своимъ чиновникамъ и совѣтникамъ: „боюсь, чтобы этотъ человѣкъ не причинилъ бѣды королевству польскому“, почему и старался постоянно найти какой-нибудь предлогъ къ его обвиненію, дабы извести его; но это ему не удавалось, ибо Хмѣль былъ очень прозорливъ и ловокъ, смекнулъ въ чемъ дѣло и остерегался на войнѣ, чтобы онъ, Конецпольскій, не могъ найти въ немъ ничего дурнаго. Когда пришло время смерти Конецпольскаго, онъ передалъ сыну своему нѣкоторые совѣты по военной части, такъ какъ сей сынъ былъ въ это время Хорунжимъ, т. е. носящимъ знамя предъ королемъ на войнѣ. На счетъ же Хмѣля онъ завѣщалъ ему слѣдующими словами: „Тебѣ, вѣроятно, извѣстенъ Хмѣль и его поведеніе; поэтому и старайся найти какой нибудь предлогъ, чтобы погубить его!“. Когда скорбь о смерти отца миновала, Хорунжій женился на весьма знатной особѣ, сестрѣ князя Замойскаго, на которую онъ издержалъ громадныя деньги, сверхъ силъ, какъ водится во всемъ польскомъ королевствѣ, какъ у евреевъ, такъ и у другихъ націй при засватаніи.

Если есть у человѣка 1000 золотыхъ, то онъ беретъ еще въ долгъ и закладываетъ имущество, чтобы израсходовать 2000 золотыхъ. И такъ, послѣ того, какъ Хорунжій женился и издержалъ всѣ свои деньги, онъ задумалъ отправиться съ женою въ свои заднѣпровскія помѣстья, гдѣ проживаютъ казаки, разсчитывая на большіе подарки для новобрачной, а затѣмъ, вмѣстѣ съ казаками, напасть на татаръ и пріобрѣсти большую добычу, — какъ велось у нихъ, поляковъ, съ давнихъ временъ. Задумано и сдѣлано. Собравъ свое войско, отправился онъ съ женою въ заднѣпровскія помѣстья. Когда они прибыли въ Чигиринъ, мѣстные жители приняли ихъ весьма радушно и одарили многими подарками. Городъ былъ *во владѣніи* одного еврея, Захарія Сабиленкаго, который арендовалъ его отъ этого пана, подобно другимъ еврелмъ въ Россіи, бывавшимъ владѣтелями во всѣхъ русскихъ помѣстьяхъ, что и было причиною постигшаго ихъ впослѣдствіи страшнаго бѣдствія; ибо всѣ завидовали ихъ почетному положенію. Хорунжій спросилъ этого еврея наивнымъ тономъ: „вѣдь ты владѣлецъ города, скажи-ка мнѣ, кто именно богачи въ немъ?“. Намѣреніе же его было навести на нихъ напраслину, дабы такимъ образомъ вымогать у

нихъ много денегъ. Захарій назвалъ ему богачей, упомянувъ между прочимъ и о чрезвычайномъ богатствѣ Хмѣля. Услышавъ о немъ, Хорунжій сказалъ: „вѣдь отецъ мой завѣщалъ мнѣ объ эгомъ зловредномъ человѣкѣ.... Да и въ самомъ дѣлѣ, откуда у него взялось такое чрезмѣрное богатство? Безъ сомнѣнія, онъ ограбилъ моихъ же рабовъ, живущихъ въ моихъ же помѣстьяхъ: слѣдовательно — все принадлежитъ мнѣ!“ Хорунжій насильно отнялъ у Хмѣля одинъ хуторъ со всѣмъ скотомъ, до нѣсколькихъ сотъ штукъ, что составляло около половины его имущества. Однакожъ Хмѣль притворился спокойнымъ, дабы Хорунжій не предпринялъ мѣръ предосторожности; при томъ же, кто осмѣлится сказать пану въ его городѣ: что дѣлаешь? ибо панъ въ своемъ городѣ — что король въ королевствѣ. Но чтобы отомстить ему, Хмѣль письменно увѣдомилъ татаръ: „Остерегитесь, такъ какъ нашъ панъ Хорунжій, со всѣмъ своимъ войскомъ отправляется на васъ!“ Татары же, сидѣвшіе спокойно и не подозрѣвавшіе нападенія, получивъ это извѣстіе, немедленно вышли противъ Хорунжаго вооруженными. Хорунжій, замѣтивъ, что имъ стало вѣдомо о его замыслахъ, сознавая при томъ, что его войско

малочисленно сравнительно съ татарскимъ, то и обратилъ тылъ, убѣжавъ чрезъ свои владѣнія съ большимъ позоромъ; но не зналъ однакожъ, кто именно былъ виновникомъ этого несчастнаго случая. Однажды сидѣли казаки, Хмѣль съ его друзьями, на попойкѣ у еврея, арендатора города, и пьянствовали. „Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“. Хмѣль обратился къ своимъ друзьямъ: „Вѣдь я-то отомстилъ пану за то, что онъ захватилъ мой скотъ!“ И разсказалъ имъ обстоятельно все дѣло. Еврей же, занимавшійся за другимъ столомъ своими счетами, слышалъ это и открылъ пану. Тогда тотъ бросилъ Хмѣля, скованнаго, въ заключеніе, намѣреваясь казнить его смертью. Въ Чигиринѣ же жилъ другой еврей, Яковъ Сабиленкій, который былъ пріятелемъ Хмѣля и совѣтовалъ ему, чтобы его друзья взяли его изъ заключенія на поруки и чтобы онъ отправился потомъ въ костелъ, палъ бы къ ногамъ пана и умолялъ бы его о своемъ спасеніи, объяснивъ ему, что еврей наклеветалъ на него по злобѣ, а друзья его, съ своей стороны, засвидѣтельстуютъ о справедливости этого объясненія. Хмѣль такъ и сдѣлалъ, и это ему удалось, такъ-что на этотъ разъ панъ освободилъ его. Но затѣмъ панъ

изслѣдовалъ это обстоятельство и нашелъ, что показаніе еврея, владѣльца города, справедливо. Тогда онъ бросилъ Хмѣля вторично въ заточеніе и, отправляясь съ женою въ свою *метрополію*, Броды, что̀ въ Малой Польшѣ, приказалъ Чигиринскому тысяцкому отсѣчь голову Хмѣлю и отослать ее къ себѣ; въ случаѣ же неисполненія этого приказанія, онъ долженъ былъ отвѣчать своею головою. Что же сдѣлалъ Хмѣль? Когда товарищи пришли навѣстить его въ заключеніи, онъ сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: „Зачѣмъ вы молчите? Посмотрите и размыслите: вѣдь польскій народъ усиливается надъ нами со дня на день, отягощаетъ насъ тяжкими работами; да и не только паны, но и стоящіе на самой низшей ступени между народами владычествуютъ теперь надъ нами! Сегодня сдѣлали этакую штуку мнѣ, а завтра сотворятъ тоже самое и вамъ, а потомъ уже будутъ пахать нашими братьями землю, точно волами. Если послушаетесь моего совѣта, то отправитесь къ тысяцкому и попросите его отпустить меня на вашу поруку къ завтрашнему празднику, а ночью уйдемъ со всѣмъ нашимъ добромъ въ Запорожье. А тамъ уже устроимъ раду и подумаемъ, что именно предпринять

противъ поляковъ...“ Такъ и поступили: всѣ бывшіе тамъ сотники отправились къ тысяцкому, взяли Хмѣля на поруки, а ночью убѣжали въ Запорожье. Затѣмъ разослали письма во всѣ мѣста, гдѣ проживали православные, приглашая ихъ собираться къ нимъ. И собралось къ нимъ праздношатающихся около 20000 человѣкъ. Узнавъ объ этомъ, король и паны стали насмѣхаться, съ самоувѣренностью говоря: „вѣдь попадутся же *они* въ наши руки, какъ это всегда бывало!“. И отправились два коронныхъ гетмана: Потоцкій и Калиновскій во главѣ около 10,000 отборныхъ воиновъ, и расположились лагеремъ возлѣ города Корсуни для охраненія рѣчной переправы, чтобы казаки не перешли на ту сторону. Начало этого возстанія было передъ праздникомъ Пуримъ (Гаманъ) въ 1648. Въ Запорожьи Хмѣль сказалъ собравшемуся войску. „Вамъ извѣстно, что поляки сильнѣе насъ —, они сильны и могущественны. Поэтому, послушайтесь моего совѣта: пойдемте и помиримся съ нашими врагами — татарами — и въ союзѣ съ ними будемъ воевать противъ поляковъ.“ Его совѣтъ былъ принятъ. Тогда Хмѣль со всѣмъ войскомъ отправился къ татарскому хану, помирился съ нимъ и заключилъ союзъ — съ

цѣлью напасть вмѣстѣ на Польшу. На счетъ добычи заключено было слѣдующее условіе: татары должны были получить всѣхъ плѣнниковъ и весь скотъ, а казаки драгоцѣнности и платье. Точно такъ Мидяне и Моавиты, вѣчно враждовавшіе между собою, заключили союзъ противъ общаго врага — Израильтянъ*). И вотъ отправились татары и православные чрезъ пустыни, дебри и лѣса къ польскому лагерю; они отправили туда лазутчиковъ разузнать о силѣ и численности противника. Лазутчики, увидя, что поляки малочисленны и сидятъ себѣ на горѣ, пируютъ на распашку при музыкѣ и танцахъ, сообщили о томъ своимъ, говоря: „пойдемте смѣло, мы ихъ побѣдимъ!“ Затѣмъ послали лазутчиковъ вырыть ямы въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда поляки могли бы бѣжать, въ случаѣ ихъ пораженія. Во вторникъ, 4-го дня Сивана (Іюнь) 5408 (1648) г. прибыли татары и православные черезъ лѣса съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны татары, съ другой православные. Когда поляки увидѣли, что на нихъ нападаютъ и татары, а сами они малочисленны, въ то время какъ татаръ и

*) См. Талмудъ, тр. Сингедринъ, листъ 105, а, по поводу библ. стиха Числ. XL, 7. — М.

православныхъ болѣе 60,000 человѣкъ, то пытались бѣжать въ лѣса, горы и долины, и попали въ тѣ ямы, которыя были заранѣе приготовлены для нихъ. Они тогда очутились окруженными татарами и православными, которые однако согласились на мольбы поляковъ не убивать ихъ, а взять въ плѣнъ. Забравши всѣхъ, ихъ подвергли большимъ истязаніямъ, а оба полководца, Потоцкій и Калиновскій, были закованы въ цѣпи. Многіе польскіе паны, увидѣвъ, что Хмѣль счастливъ и ему везетъ во всѣхъ предпріятіяхъ, также измѣнили королю и вступили въ союзъ съ нимъ, давъ присягу служить ему впредь правдиво и чистосердечно, какъ служили прежде польскому королю. Между ними былъ и тотъ тысяцкій, который прежде служилъ у Хорунжаго, и которому послѣдній приказалъ отсѣчь голову Хмѣлю. Его поставилъ Хмѣль тысяцкимъ надъ своими, а тотъ войсковой писарь, который служилъ у покойнаго Конецпольскаго, получилъ туже должность у Хмѣля. Этотъ писарь былъ очень проницателенъ и зналъ всѣ тайны и военныя цѣли королевства. Онъ и другіе паны-измѣнники стали совѣтниками Хмѣля и сдѣлались заклятыми врагами Польши: „Изъ самаго-же лѣса берутъ и топори-

ще для топора“ *). Въ самый день плѣненія польскаго войска вмѣстѣ съ полководцами прибыла роковая вѣсть о смерти короля Владислава, и Польша осталась, какъ стадо безъ пастуха.

Когда магнаты и вельможи услышали, что король скончался и что всѣ знатные ихъ соотечественники и доблестные воины съ обоими полководцами взяты въ плѣнъ, то упали духомъ, а евреи пришли въ отчаяніе, ибо на всѣхъ нашихъ напалъ страхъ; помѣщики, жившіе въ окрестностяхъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, убѣжали въ г. Полонное. „*И еслибъ Всевышній не пощадилъ остатковъ нашихъ, мы исчезли бы совсѣмъ, подобно Содому и Гоморрѣ*“. Въ это смутное время находился князь Вишневецкій (Да будетъ память о немъ благословенна!) со своимъ войскомъ тамъ, за Днѣпромъ; онъ чрезвычайно любилъ евреевъ, отличался безподобными военными доблестями, но и онъ убѣжалъ съ своимъ ополченіемъ по направленію къ Литвѣ. Съ нимъ-же убѣжало около 5000 домовладѣльцевъ-евреевъ съ своими семействами. Онъ оказывалъ имъ бдительную охрану, пока не привелъ ихъ къ желанному мѣсту; напримѣръ: когда

*) Талмудическая пословица, Ibidem, листъ 39, Ъ. — М.

бѣжавшимъ угрожала опасность сзади, то евреямъ велѣлъ идти впереди всѣхъ; если же чуяли опасность впереди, то евреямъ приказывалъ идти за войскомъ, дабы оно служило имъ защитою. Евреи по сю сторону Днѣпра узнали о вышесказанныхъ двухъ катастрофахъ въ первый день праздника Семидесятницы. Всѣ они убѣжали въ самый день праздника, безъ сожалѣнія оставляя все свое богатство, чтобъ только спасти свою жизнь. Всѣ жители окрестныхъ мѣстъ города Острога, какъ напримѣръ Чуднова и Любартова со всѣми ближайшими обществами убѣжали, частью въ Полонное, частью въ Заславль, а также въ Острогъ и Старо-Константиновъ, такъ какъ тѣ были укрѣплены; также жители всѣхъ русскихъ мѣстечекъ въ окрестностяхъ города Львова, равно и всѣ причисленныя къ нимъ общества, какъ напримѣръ: жители изъ окрестностей Немирова убѣжали въ Немировъ, изъ окрестностей Тульчина — въ Тульчинъ, изъ окрестностей Бара, какъ напримѣръ Винницы, Старограда, Краснаго съ ближайшими общинами, убѣжали всѣ въ Баръ. Тотъ, кто хотѣлъ и не могъ бѣжать, самъ былъ виною своей гибели. Жители множества еврейскихъ городовъ за Днѣпромъ, которые были

близки къ мѣсту рѣзни, какъ городовъ Переяслава, Борисовки, Пирятина, Борисполя, Лубенъ, Ляховицъ и со своими поселеніями, не имѣвшіе возможности убѣжать, были умерщевлены за вѣру разными жестокими видами смерти: съ нѣкоторыхъ содрали кожу заживо, а тѣло бросили собакамъ; нѣкоторымъ отрубили руки и ноги и бросили на дорогу, потомъ ѣхали по нимъ экипажами и растоптали ихъ; нѣкоторымъ нанесли множество не-смертельныхъ ранъ и бросили на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю; рѣзали дѣтей на лонѣ матерей; множество дѣтей разорвали въ куски; беременнымъ женщинамъ распаривали животъ, вынимая недоношенный плодъ и бросали имъ же въ лицо, а нѣкоторымъ, распоровши животъ, впускали туда живую кошку и животъ зашивали, а имъ рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; нѣкоторыхъ дѣтей привязывали къ сосцамъ матерей; нѣкоторыхъ насаживали на вертелъ и жарили ихъ на огнѣ, а потомъ заставляли матерей ѣсть ихъ. Иногда они брали еврейскихъ дѣтей, мостили ими улицы и ѣздили по нимъ. Вообще они пустили въ ходъ всевозможные виды мучительной смерти:

убивали каменьями, сожигали, рѣзали и душили.*) Татары забрали множество въ плѣнъ, изнасиловали замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, осквернили женъ въ присутствіи ихъ мужей; красивыхъ женщинъ они взяли себѣ въ услуженіе, а нѣкоторыхъ — въ жены и наложницы. На подобіе сказаннаго, они дѣлали вездѣ, куда только достигали, и даже съ поляками, а преимущественно съ ксендзами. Многія тысячи евреевъ были убиты, а нѣсколько сотень ихъ были принуждены принять крещеніе; пергаментные свитки Пятикнижія разрывали въ куски, дѣлали изъ нихъ сумки и сапоги, а ремнями филактерій *(Тефилинъ)* обвязывали свои ноги, кожанныя же оправы филактерій разбросали по улицамъ; другими священными книгами они мостили улицы, а изъ нѣкоторыхъ дѣлали пыжи для ружей. „*У всякаго, услышавшаго объ этомъ, зазвенитъ въ ушахъ*!“ Жители Погребища, Животова Божувки, (Козовка?), Теліова и ихъ селеній, узнавъ о причиненномъ казаками единовѣрцамъ нашимъ за Днѣпромъ, о брибытіи къ нимъ съ одной стороны казаковъ, а съ другой татаръ,

*) Эти четыре рода смертной казни, согласно Моисееву закону, практиковались, хотя весьма рѣдко, Синедріономъ. — М.

разсуждали слѣдующимъ образомъ: „Если мы будемъ ждать, пока казаки войдутъ въ городъ, то они окончательно истребятъ всѣхъ насъ, или же заставятъ, Боже упаси, перемѣнить религію, а потому гораздо лучше намъ отправиться къ татарамъ въ плѣнъ, ибо мы знаемъ, что наши братья въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турціи очень милосердны и дадутъ за насъ выкупъ“. Такъ они и сдѣлали. Между ними былъ одинъ канторъ, по имени раби-Гершъ изъ Животова. Приближаясь къ татарскому лагерю, онъ запѣлъ громкимъ и плаксивымъ голосомъ панахиду по убитымъ нашимъ братьямъ-евреямъ: *„О, Боже, преисполненный милосердія и т. д.“* — и весь народъ громко рыдалъ. Безъ сомнѣнія, ихъ вопль былъ услышанъ въ небесахъ, вслѣдствіе чего плѣнившіе ихъ сжалились надъ ними и утѣшали ихъ добрыми словами, говоря: „не заботьтесь, вамъ не будетъ недостатка ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ; прикажите своимъ рѣзникамъ зарѣзать скотъ для себя; мы скоро вриведемъ васъ къ вашимъ собратьямъ въ Константинополь, чтобы тѣ выкупили васъ“. Татары сдержали свое слово, а единовѣрцы наши въ Константинополѣ, (да сохранитъ ихъ Господь!) дѣйствительно выкупили плѣнныхъ. Кромѣ того, къ

нимъ приведено было и другихъ плѣнниковъ изъ Польши около 20,000 душъ, на которыхъ они истратили громадныя суммы, не взирая на то, сколько требовали за нихъ татары; да еще кормятъ и содержатъ ихъ по настоящее время, оказывая имъ и множество другихъ благодѣяній, безъ границъ. Тоже самое сдѣлано было и во всей Турціи, въ особенности въ Салоникахъ выкупили чрезвычайное множество плѣнныхъ; въ славной Венеціи, въ Римѣ, въ знаменитомъ городѣ Ливорнѣ, да и въ другихъ еврейскихъ общинахъ Италіи давали тысячи и десятки тысячъ золотыхъ на выкупъ плѣнниковъ, которыхъ и препроводили въ Константинополь. Да вознаградитъ ихъ Богъ за ихъ добрыя дѣла въ отношеніи единовѣрцевъ, и да спасетъ ихъ, и да охранитъ ихъ отъ всякаго несчастья и бѣдствія до пришествія Мессіи!

Послѣ всего этого, татары возвратились въ свои земли съ множествомъ плѣнныхъ, а злодѣй Хмѣль отправился съ своими казаками и нѣсколькими тысячами татаръ, оставшимися у него, въ свой городъ Чигиринъ съ торжественною музыкою. Когда онъ приблизился къ городу, на встрѣчу ему вышли всѣ съ музыкою, плясками и ликованіемъ, осыпая его благословеніями. Они

признали его надъ собою и надъ потомками своими гетманомъ, и сказали ему: „*О ты, Божій князь посреди насъ*! Ты нашъ избавитель отъ пановъ, удручавшихъ насъ претяжкимъ трудомъ!“

Когда Хмѣль окончательно поселился у себя дома, онъ обратился къ своимъ чиновникамъ и совѣтникамъ, говоря: „Найдите средство, чтобы мы не сдѣлались позорищемъ у нашихъ недруговъ. Мы вѣдь довольно напакостили полякамъ, и вотъ боюсь, чтобы правители другихъ странъ, узнавъ о всѣхъ нашихъ злыхъ дѣяніяхъ, не пошли бы на насъ войною, а мы то противъ нихъ малочисленны!“ Они отвѣтили: „По нашему мнѣнію, тебѣ слѣдуетъ разослать искреннія и дружескія письма ко всѣмъ магнатамъ и вельможамъ королевства и самому порицать свой образъ дѣйствій, объясняя его однакожъ тѣмъ, что ты принужденъ былъ поступать такъ ради собственнаго спасенія; это необходимо для того, чтобы выиграть время и не дать противникамъ собрать большія силы противъ насъ. А между тѣмъ отправь пословъ къ татарскому хану, чтобы онъ выслалъ тебѣ большое войско, а также пиши письма во всѣ мѣста королевства, гдѣ проживаютъ православные, чтобы они собрались и были на готовѣ къ

опредѣленному дню постоять за себя и отомстить своимъ врагамъ — панамъ и евреямъ". Этотъ совѣтъ былъ имъ принятъ: послалъ онъ письма строго секретнымъ образомъ во всѣ мѣстности, гдѣ жили православные, быть готовыми сплотиться въ извѣстное время, дабы защищать себя и истреблять всѣхъ евреевъ и поляковъ съ ихъ женами и дѣтьми, и ограбить все ихъ имущество. Объ этомъ заговорѣ евреи узнали отъ ихъ сосѣдей и друзей изъ православныхъ же; къ тому еще евреи имѣли во всѣхъ мѣстечкахъ своихъ шпіоновъ, которые пошли и увѣдомили своихъ пановъ, а также посылали письма изъ общества въ общество, чтобы увѣдомить своихъ собратьевъ и пановъ обо всемъ, что происходило ежедневно. По этому то паны полюбили евреевъ и стали съ ними за-одно, въ тѣсномъ союзѣ и дружбѣ; ибо: „Богъ посылаетъ лекарство передъ болѣзнью"*), а не будь этого обстоятельства, то, избави Богъ, былъ бы конецъ остатку Израиля! Во всѣхъ городахъ, куда ни проникала вѣсть о приказѣ злодѣя Хмѣля, была великая радость православнымъ, а панамъ и

*) Талмудическое изрѣченіе: тр. Мегилла, листъ 13, b. M. —

евреямъ великая скорбь; послѣдніе постились, рыдали, облекались во власяницы съ пепломъ, старались отвратить бѣду покаяніемъ, молитвою, милостынею. „Однакожъ гнѣвъ Божій не унялся и карающая десница Его была простерта“. Да помилуетъ Онъ ихъ!

Послалъ Хмѣль миролюбивыя и дружескія письма ко всѣмъ магнатамъ и вельможамъ, увѣряя ихъ, что все было сдѣлано имъ по крайней необходимости, изъ чувства самосохраненія, для избавленія обреченныхъ на смерть и вообще для отклоненія угрожавшей ему опасности, чего, конечно, нельзя вмѣнить ему въ вину, почему и проситъ пановъ возвратиться въ свои дома и помѣстья, обѣщая возвратить имъ всѣ захваченныя мѣстности. Но паны не обратили вниманія на его посланія. Они ясно видѣли, что его предложеніе о мирѣ есть только пустословіе, ибо призывая къ миру, онъ въ одно и тоже время продолжаетъ покорять себѣ русскія земли, и ему посылается дань изо всѣхъ помѣстьевъ магнатовъ и вельможъ; что онъ совершалъ неслыханныя насилія за Днѣпромъ надъ евреями и панами, разрушалъ костелы, убивалъ ксендзовъ и все это дѣлалъ уже послѣ того, какъ польское войско

было взято въ плѣнъ. По этому не повѣрили ему и съ своей стороны отправили посланіе къ Гнѣзденскому арцыбископу (а по итальянски *кардиналъ*), который замѣнялъ короля въ случаѣ его смерти, дабы Польша не осталась между тѣмъ безъ государя, ибо „Не будь верховной власти, человѣкъ проглотилъ бы другаго заживо“*). Въ это же время гнѣзденскій кардиналъ Казиміръ считался королемъ Польши (да возвеличится слава его!). Ему то послали всѣ магнаты и вельможи единогласное прошеніе о томъ, чтобы онъ назначилъ имъ полководца, дабы королевство не оставалось безъ вождя. Кардиналъ Казиміръ немедленно послалъ скипетръ, называющійся по польски *булавою*, великому князю заславскому, Владиславу Доминику (да возвеличится слава его!), назначивъ его главнокомандующимъ. Сей князь надѣлалъ евреямъ и всей Польшѣ много бѣды, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно богатъ, робокъ, трусливъ и никогда не бывалъ въ военномъ дѣлѣ. Но кардиналъ назначилъ именно его полководцемъ, вслѣдствіе его богатства. „Когда пастухъ сердится на овецъ, то назначаетъ имъ вожакомъ

*) Трактатъ Пиркс-Аботъ, гл. III, 2. — М.

слѣпую овцу".*) Такъ и было въ Польшѣ — изъ за множества грѣховъ нашихъ! Этотъ кардиналъ приказалъ, подъ опасеніемъ большаго штрафа, объявить во всемъ королевствѣ, чтобы всѣ паны собрались на войну отомстить врагамъ; но они, по обыкновенію поляковъ, собирались очень медленно, въ противоположность татарамъ и казакамъ, которые собирались живо, не лѣнясь.

Бѣдствія города Немирова.

Когда злодѣй Хмѣль узналъ, что множество евреевъ собралось въ Немировѣ и что они имѣютъ много серебра и золота, да и самъ Немировъ отличался богатствомъ (въ этомъ городѣ было большое благочестивое общество, преисполненное правосудія и благотворительности, и много ученыхъ и писателей), то послалъ одного изъ казачьихъ начальниковъ, ненавистника евреевъ, въ городъ, во главѣ около 600 вооруженныхъ воиновъ, написавъ предварительно христіанскимъ представителямъ города, чтобы они оказали ему содѣйствіе свое. Горожане съ

*) Талмуд. пословица: трактатъ Баба-Кама, листъ 5, а. — М.

замѣчательною предупредительностью спѣшили помочь имъ всевозможнымъ образомъ, не столько по любви къ нимъ, сколько по ненависти къ евреямъ. Въ среду, 20-го Сивана (Іюнь), казаки приблизились къ городу. Когда евреи увидѣли войско, то ужаснулись, но еще сомнѣвались, польское-ли это войско или казацкое; однакожъ всѣ евреи съ своими женами и дѣтьми, съ серебромъ и золотомъ, отправились въ крѣпость и заперли ворота на-крѣпко, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться до послѣдней крайности. Казаки ухитрились сдѣлать себѣ знамена на подобіе польскихъ; ибо только по знаменамъ можно было отличить поляковъ отъ казаковъ. Жители города, христіане, знавшіе хорошо объ этой хитрости, сказали евреямъ: „отворите ворота, потому что это польское войско, пришедшее на помощь вамъ противъ враговъ, вслучаѣ если они прійдутъ сюда“. Евреи, бывшіе на крѣпости, видя польскія знамена, думали, что тѣ говорятъ правду, и немедленно отворили ворота; тогда казаки хлынули съ обнаженными саблями, да и жители-христіане были вооружены саблями, копьями, косами и кольями, и убили множество евреевъ, и безпрепятственно изнасиловали женъ и дѣвицъ. Но нѣкоторыя жен-

щины прыгали въ крѣпостную канаву, наполненную водою, чтобъ не быть осквернеными, и утопали. Многіе мущины, умѣвшіе плавать, тоже бросились въ воду, надѣясь уплыть и тѣмъ избавиться отъ смерти; но православные пустились за ними вплавь съ саблями и копьями, и убивали ихъ въ водѣ, а нѣкоторыхъ застрѣлили изъ ружей, такъ что вода сдѣлалась красной отъ крови убитыхъ.

Въ Немировѣ былъ ректоръ еврейской мѣстной академіи *Іехіэль-Михель* сынъ гаона*) Лазаря (да будетъ память его благословенна!); онъ зналъ всю богословскую литературу наизусть и былъ также свѣдущъ во всѣхъ свѣтскихъ наукахъ. Въ субботу, предъ этой катастрофой, онъ проповѣдывалъ, внушая своей паствѣ, если, Боже упаси, врагъ нагрянетъ, — освятить имя Божіе и не измѣнить своей религіи. Благочестивый народъ исполнилъ его желаніе. Онъ самъ бросился въ воду, чтобы спастись вплавь, но одинъ православный схватилъ его и хотѣлъ убить. Раввинъ сталъ просить его пощадить жизнь, обѣщая за то много денегъ; православный согласился и повелъ его въ домъ, въ которомъ

*) Гаонъ — великій ученый, талмудическій авторитетъ. — М.

спрятаны были его деньги, и жизнь его было пощажена. Оттуда раввинъ съ своею матерью ушли и всю ночь до разсвѣта скрывались въ одномъ домѣ. А какъ на второй день, 22 Сивана, казаки стали искать по домамъ, не спрятанъ-ли гдѣ какой-нибудь еврей, то раввинъ съ матерью бѣжали на кладбище, дабы быть тамъ же погребенными, въ случаѣ если они будутъ умерщевлены. Но какъ только они приблизились къ кладбищу, одинъ русскій, сапожникъ изъ горожанъ, бросился за ними съ коломъ, которымъ и нанесъ рану раввину. Мать же упрашивала сапожника убить лучше ее, вмѣсто сына, но онъ не внялъ ея мольбамъ и убилъ прежде сына, а потомъ и мать. Да умилосердится Господь надъ ихъ душами! Чрезъ три дня только послѣ избіенія, тѣло раввина было предано землѣ оставшеюся въ живыхъ его женою, потому что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили бѣдствія, женщинъ, большею частью, оставляли въ живыхъ, убивая изъ нихъ лишь старухъ и больныхъ.

Былъ тамъ такой случай съ одной красивой дѣвицей изъ почетнаго и богатаго еврейскаго семейства, съ которой взявшій ее въ плѣнъ казакъ повѣнчался. Но чтобы предотвратить

сожитіе съ нимъ, она употребила хитрость, увѣривъ его, что извѣстнымъ заклинаніемъ умѣетъ заговаривать себя отъ дѣйствія всякаго оружія, въ доказательство чего предложила ему попробовать выстрѣлить въ нее изъ ружья, и онъ сейчасъ-же убѣдится, что она останется цѣла-невредима. Казакъ, мужъ ея, принимая слова ея за сущую правду, выстрѣлилъ въ нее, отчего она упала замертво, освящая этимъ имя Божіе и не давъ себя осквернить казаку. Да умилосердуетъ Господь ея душу!

Подобный же случай былъ съ другой красивой дѣвицей, которая, бывъ помолвлена съ казакомъ, просила его, чтобы онъ вѣнчался съ нею именно въ той церкви, которая стояла по той сторонѣ рѣки. Онъ согласился на ея просьбу, и повелъ ее туда, великолѣпно наряженную и съ музыкой; но какъ только они взошли на мостъ, она бросилась въ воду и утонула, дабы освятить имя Божіе. Да умилосердуетъ Господь ея душу! — Такихъ примѣровъ было такъ много, что и записать невозможно. Число же всѣхъ убитыхъ, утопленныхъ и умерщевленныхъ другими видами смерти въ Немировѣ доходило до 6,000 душъ. „*Да сольетъ Богъ ихъ души съ*

источникомъ жизни!“ Спасшіеся отъ Немировской рѣзни бѣжали въ Тульчинъ, такъ какъ за этимъ городомъ была сильная крѣпость.

Бѣдствія города Тульчина.

Послѣ того какъ казаки совершили вдоволь жестокостей въ Немировѣ, собралось буйныхъ бродягъ около 10,000 человѣкъ, имѣя во главѣ ненавистника евреевъ Кривоноса, и отправились въ Тульчинъ, въ крѣпости котораго было 600 храбрыхъ воиновъ польской шляхты и около 2,000 евреевъ, между коими было также много отважныхъ и знающихъ военное дѣло. Тѣ и другіе заключили между собою союзъ помогать другъ другу и вмѣстѣ воевать съ врагомъ, въ чемъ и взаимно клялись присягою. За тѣмъ укрѣпили замокъ, а евреи вооружились разнокалибернымъ оружіемъ и, ставъ вмѣстѣ съ поляками на крѣпость, стрѣляли каждый разъ, когда казаки приближались къ ней, и убивали множество изъ нихъ, а когда казаки обратились въ бѣгство, евреи, ободрившись духомъ, погнались за ними и убили изъ нихъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Казаки собрались вторично со всѣми поселянами и горожанами изъ окрестныхъ мѣстъ,

числомъ нѣсколько десятковъ тысячъ, и поставили у стѣнъ крѣпости желѣзные тараны, чтобы разрушить ихъ, напавъ на нее въ расплохъ съ ужасными криками, по казацкому обычаю. Когда стоявшіе на крѣпости увидѣли это громадное войско, они пришли въ ужасъ и упали духомъ; однакожъ стрѣльцы продолжали своими выстрѣлами отгонять отъ крѣпости непріятеля, который и на этотъ разъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Когда же казаки замѣтили, что напрасно потеряли такъ много времени, то и задумали послать дружелюбное письмо къ панамъ, находившимся въ крѣпости, обѣщая имъ миръ, съ условіемъ, чтобы они дали имъ въ видѣ выкупа еврейское добро. Паны немедленно согласились на эту сдѣлку; призвали къ себѣ евреевъ, каждаго по одиночкѣ, и обезоружили ихъ. Когда евреи поняли ихъ хитрость, то хотѣли прежде избить пановъ, а потомъ уже бороться съ казаками, такъ-какъ паны вѣроломно измѣнили первые заключенному съ ними союзу. Но ректоръ тульчинской академіи (ешиботъ), гаонъ *Аронъ* громкимъ голосомъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: „Слушайте, мои братья и народъ мой! Мы находимся въ изгнаніи, разсѣянные между народами; если ужъ

вы поднимите руку на пановъ здѣсь, то другіе государи услышатъ это и отомстятъ за нихъ, Боже упаси, прочимъ нашимъ братьямъ-изгнанникамъ. А посему, если это несчастье послано Небомъ, то пріймите сію кару съ покорностью: вѣдь мы не лучше нашихъ немировскихъ единовѣрцевъ. Да внушитъ Всемогущій врагамъ милость къ намъ! Быть можетъ они возьмутъ всѣ наши драгоцѣнности въ выкупъ за жизнь!“ Евреи послушались его и принесли все свое имущество на площадь въ крѣпости. Злодѣи-казаки сейчасъ же вошли, и главный панъ, князь Четвертинскій сказалъ имъ: „Вотъ вамъ то, что вы требавали!“ Казаки, забравъ все еврейское добро, приказали князю, чтобы онъ всѣхъ евреевъ посадилъ въ заключеніе, такъ что ихъ жизнь висѣла тогда на волоскѣ, и они не знали о предстоящей имъ участи: сдержатъ-ли относительно ихъ данное обѣщаніе, или нѣтъ. По истеченіи трехъ дней, болѣзненно проведенныхъ евреями, казаки потребовали отъ пановъ выдачи всѣхъ евреевъ. Паны, опасаясь, чтобы не потерпѣть за заступничество за евреевъ, выпроводили всѣхъ изъ крѣпости. Съ сокрушеннымъ сердцемъ вышли евреи оттуда; казаки посадили всѣхъ ихъ въ одинъ садъ и заперли

его кругомъ, дабы они не могли убѣжать. Заключенные находились тамъ долгое время въ томительномъ ожиданіи. Между ними были три гаона: *Лазарь, Соломонъ и Хаимъ*, которые увѣщевали народъ освятить имя Божіе и не измѣнять своей религіи. Народъ отвѣтилъ имъ единогласно: „*Внемли, Израиль, Господь-Богъ нашъ — Богъ единъ!**); какъ въ вашихъ сердцахъ нѣтъ, кромѣ одного Бога, точно также и въ нашихъ — только Единый!“ Послѣ всего этого пришелъ къ нимъ посланный отъ казаковъ, который, водрузивъ знамя въ землѣ, громогласно объявилъ: „Желающіе перемѣнить религію останутся въ живыхъ; пусть таковые сядутъ подъ это знамя!“. Но никто ему ничего не отвѣтилъ. Послѣ троекратнаго вызова, не получивъ никакого отвѣта, онъ отворилъ ворота сада, въ которыя и хлынули всѣ разсвирѣпѣвшіе казаки и убили, всевозможными смертями, около 1,500 человѣкъ, въ числѣ коихъ были и три вышеупомянутые гаона. (Да отомститъ Господь за ихъ кровь!) Десять же раввиновъ казаки оставили въ живыхъ и, заковавъ ихъ въ кандалы, посадили въ заключеніе, требуя отъ нихъ 10,000 золотыхъ

*) Библейскій стихъ (Второзак., гл. VI. 4), въ которомъ заключается главная догма еврейской религіи. — М.

выкупа. Между ними былъ упомянутый гаонъ Аронъ, сынъ ректора львовской академіи, гаона Меера (да сохранитъ его Господь!); казакамъ было извѣстно, что послѣдній очень богатъ и выкупитъ своего сына, сколько бы денегъ ни запросили за него.

Послѣ избіенія евреевъ, казаки рѣшились взять крѣпость. Поляки тогда сказали имъ, „вѣдь вы заключили союзъ съ нами: зачѣмъ же хотите быть вѣроломными?“, на что казаки отвѣчали: „По дѣломъ вамъ! Какъ вы измѣнили евреямъ, такъ и мы поступимъ съ вами!“ Стрѣльцы начали было стрѣлять по непріятелю изъ крѣпости, но казаки ухитрились сжечь крѣпость, и взявъ ее, совершили большое избіеніе поляковъ, забравъ все ихъ имущество. А предъ умерщвленіемъ вышеупомянутаго князя (Четвертинскаго), казаки изнасиловали его жену и двухъ дочерей въ его же присутствіи. Онъ былъ такъ тученъ, что не могъ стоять на ногахъ и постоянно сидѣлъ: къ нему подошелъ одинъ изъ его же крѣпостныхъ, мельникъ, буйнаго характера, снялъ шапку и насмѣшливо сказалъ: „Что, вельможный князь прикажетъ?“ Затѣмъ, напомнивъ ему, какъ онъ тиранилъ своихъ крѣпостныхъ наказаніями и тяжелыми работами, закричалъ:

„Встань съ своего кресла, а я сяду, чтобъ теперь повелѣвать тобою!“ Но такъ какъ онъ не могъ встать, то мельникъ стащилъ его съ кресла и на порогѣ отрѣзалъ ему голову пилою. Такимъ образомъ, какъ поляки поступили съ евреями, такъ и Богъ имъ воздалъ... Узнавшіе объ этомъ поляки признали эту кару заслуженною и съ того уже времени крѣпко держались съ евреями и не предавали ихъ болѣе злоумышленникамъ-казакамъ; даже тогда, когда послѣдніе неоднократно клялись, что не причинятъ имъ ничего дурнаго, за исключеніемъ евреевъ, то имъ уже никакъ не вѣрили. Не случись этого обстоятельства, отъ евреевъ не осталось бы и помину. — Спустя три дня послѣ избіенія, казаки послали выкрикивать на мѣстѣ рѣзни, на которомъ лежало много убитыхъ и раненыхъ, что всякій, оставшійся въ живыхъ, можетъ безъ опасенія встать на ноги. И поднялось около 300 человѣкъ, которые легли между трупами, чтобы такимъ способомъ спастись; они были истомлены голодомъ и жаждою, а нѣкоторые изъ нихъ были покрыты многими, но не смертельными ранами, такъ что еле-еле добрались до города, больные, измученные, босые и нагіе. Православные оказали имъ помощь и отпустили на волю.

Послѣ тульчинскаго погрома, буйные казаки возвратились домой съ большою добычею серебра, золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, награбленныхъ у поляковъ и евреевъ; со множествомъ взятыхъ въ плѣнъ красивыхъ женщинъ и дѣвицъ — польскихъ и еврейскихъ, — захвативъ съ собою и сказанныхъ десять раввиновъ.

Князья и вельможи, узнавъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ казаками въ Немировѣ и Тульчинѣ, пришли въ ужасъ и, запылавъ чувствомъ мести, положили собрать всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Приказомъ фельдмаршала и кардинала объявлено было во всемъ польскомъ королевствѣ, чтобы каждый шляхтичъ самъ вступилъ въ войско или же послалъ вмѣсто себя раба своего. Также князь Вишневецкій (да будетъ память его благословенна!), бывшій съ своимъ войскомъ въ Литвѣ, узнавъ о случившемся, сожалѣлъ о немировскихъ евреяхъ, такъ какъ Немировъ былъ подъ его владычествомъ, почему и отправился, во главѣ 3,000 человѣкъ, въ Немировъ, чтобы отомстить казакамъ. Князь клялся, что не успокоится, пока не умоетъ ногъ своихъ въ крови казаковъ, разорившихъ также множество его помѣстій за Днѣпромъ и выгнавшихъ его изъ собственныхъ его владѣній.

Подойдя близко къ Немирову, онъ снарядилъ туда нѣсколько сотъ воиновъ, которые убили множество русскихъ горожанъ. Казаки ухитрились: они отправили оставшихся въ живыхъ горожанъ къ князю съ просьбою, чтобъ онъ прислалъ нѣсколько сотъ воиновъ для охраненія будто города отъ казаковъ и татаръ, обѣщая ему сражаться вмѣстѣ съ ними всѣми силами противъ враговъ, и давъ клятву служить ему впредь вѣрно и честно. Князю понравилось это предложеніе, и онъ послалъ къ нимъ много знатныхъ пановъ съ 600 воиновъ. Горажане приняли ихъ съ великою почестью; но спустя нѣсколько дней послали сказать казакамъ: „спѣшите сюда ночью, мы вамъ отворимъ ворота...“ Такъ и было сдѣлано, — и всѣ паны были убиты въ кроватяхъ. Затѣмъ они еще дали казакамъ большія деньги, чтобы остались охранять городъ отъ вторичнаго нападенія пановъ, на что казаки и согласились.

Узнавъ объ этомъ несчастьи, князь Вишневецкій ужаснулся и больше уже не посылалъ своего войска въ Немировъ, положивъ выместить свой гнѣвъ на казакахъ въ другихъ мѣстахъ, почему и отправился въ Махновку, гдѣ произвелъ избіеніе множества казаковъ — въ городѣ

и окрестностяхъ его. Когда же Хмѣль, имѣвшій при себѣ всего только 3000 воиновъ, узналъ о томъ, что Вишневецкій произвелъ рѣзню его единовѣрцевъ, да еще все болѣе и болѣе приближается къ его лагерю, то напрвилъ противъ него своего военачальника, злодѣя Кривоноса, съ 10,000 воиновъ, приказавъ имъ схватить князя живымъ, если они одержатъ побѣду; но Богъ спасъ его отъ ихъ рукъ. Князь и народъ польскій, узнавъ о томъ, что на нихъ идетъ большое козацкое войско и принявъ въ соображеніе, что во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ того города живутъ православные, то изъ боязни, чтобы тѣ не соединились съ горожанами, оставили городъ и пошли въ Бердичевъ, гдѣ имѣлъ свое пребываніе владѣтель сего города, воевода Тышкевичъ, у котораго было 1000 воиновъ. Соединившись же вмѣстѣ, князь и воевода имѣли уже 4000 воиновъ, съ которыми и отправились по пути къ (кореннымъ) польскимъ областямъ для скорѣйшаго соединенія съ польскимъ войскомъ, которое они просили себѣ въ помощь у фельдмаршала Владислава Доминика. Но фельдмаршалъ, питая вражду къ Вишневецкому за то, что весь народъ желалъ видѣть его фельдмаршаломъ, какъ человѣка, отличавшагося личными

военными доблестями, славившагося во всей Польшѣ и достойнаго быть даже ея королемъ, нарочно не послалъ имъ войско въ помощь, желая, чтобы князь попался въ руки враговъ... Когда Вишневскій и Тышкевичъ съ своимъ войскомъ находились уже отъ Полоннаго всего на одну милю, то шедшіе по ихъ слѣдамъ казаки и татары, присоединивъ къ себѣ около 20,000 православныхъ, рѣшили осадить Полонное.

Бѣдствія города Полоннаго.

Во вторникъ, 1-го числа мѣсяца Ава (Августъ), прибыли татары и русскіе, чтобы осадить Полонное, и направили боевые снаряды противъ города, въ коемъ находились паны и евреи. Но стрѣльцы начали стрѣлять изъ крѣпости и не давали имъ приблизиться къ городу, такъ какъ въ немъ было около двухъ тысячъ шляхетскаго войска; евреевъ же было около 12 тысячъ душъ, между которыми были люди отважные, да и самъ городъ былъ сильно укрѣпленъ двойною крѣпостью и окруженъ водою. Требовалось охранять только ту сторону крѣпостй, два ближайшихъ пункта которой населяли русскіе. Паны поставили свое войско, состоявшее изъ хлоповъ, съ той стороны, гдѣ преимущественно потребовалось бдительное

охраненіе; но именно эти *хранители города* сдѣлались его рубителями, такъ какъ эти хлопы были православные, извѣстные подъ именемъ *гайдуковъ*, которые впослѣдствіе также присоединились къ бунтовщикамъ. — Въ среду, 2-го Ава, непріятели овладѣли обоими пунктами, которые охранялись православными, и тогда послѣдніе вмѣстѣ съ жителями этихъ пунктовъ примкнули къ нимъ, чтобы воевать противъ укрѣпленнаго города, въ коемъ находились паны и евреи. Битва продолжалась весь день въ среду; въ четвергъ же непріятели сдѣлали воззваніе къ польскимъ хлопамъ, стоявшимъ на крѣпости: „Вѣдь мы кровные братья, зачѣмъ же вы помогаете панамъ противъ насъ? Не лучше-ли вамъ служить намъ, нежели служить иновѣрцамъ!“ И дѣйствительно, хлопы немедленно же измѣнили. Показывая видъ, что сражаются противъ казаковъ, они дали имъ между тѣмъ возможность приставить лѣстницы къ крѣпости и овладѣть ею въ тотъ же четвергъ, такъ что въ одинъ моментъ очутилось нѣсколько тысячъ русскихъ съ обнаженными мечами среди города и начали избивать народъ. Когда паны и евреи увидѣли, что бѣдствіе обрушилось надъ ними и городъ взятъ, то паны-

всадники бѣжали на другую сторону, а бѣдные евреи, числомъ въ 10,000 душъ, которыхъ стражники не пускали бѣжать, были избиты, освящая имя Божіе, всевозможными жестокими смертями. Они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, такъ-что если какой-нибудь казакъ врывался въ домъ, въ которомъ находилось даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись ему, и онъ одинъ избивалъ всѣхъ. —

Между ними былъ одинъ ученый, остроумный богословъ и каббалистъ, по имени Самсонъ изъ Острополя. Къ нему являлся ежедневно ангелъ-учитель и обучалъ его тайнамъ Торы; сей каббалистъ написалъ комментарій на книгу *Зогаръ**), по мистической системѣ *Ари***), но мы

*) Зогаръ — каббалистическій комментарій на Пятикнижіе, написанный на халдейскомъ языкѣ. Это замѣчательное въ своемъ родѣ сочиненіе обыкновенно приписываютъ знаменитому талмудисту раби-Шимонъ бенъ-Іохаи, жившему во II в. по Р. Х.; но новѣйшая критика доказала, что авторомъ этой фантастически-легендарной книги былъ никто иной, какъ впервые открывшій и обнародовавшій ее — испанскій ученый Моисей Деліонъ, жившій въ XIII в. — М.

**) Въ каббалистическомъ лабиринтѣ отличаютъ двѣ системы. Представитель одной — Моиссей Кордоверо, другой, болѣе новой, Исаакъ Лури, прозванный, въ сокращенной формѣ, Ари (Раби Исаакъ Ашкенази). Первый былъ родомъ испанецъ, а второй германецъ; оба жили въ Палестинѣ въ XVI в. — М.

не были достойны, чтобы сочиненіе это явилось въ печати. Этотъ ангелъ сообщилъ ему еще предъ наступленіемъ катастрофы, что евреи должны совершить большое покаяніе, дабы этимъ смягчить неминуемое бѣдствіе. Нѣсколько разъ Самсонъ проповѣдывалъ въ синагогѣ и предостерегалъ народъ предупредить несчастье покаяніемъ. Во всѣхъ общинахъ дѣйствительно совершили покаяніе, но оно имъ не помогло, ибо на *декретъ* о несчастьи была уже приложена печать Божія*)... Когда непріятели обложили городъ, вошелъ знаменитый каббалистъ въ синагогу, а съ нимъ триста обывателей, всѣ великіе ученые, одѣтые въ саваны и *талесы***) и усердно молились, пока врагъ не вторгся въ святой градъ и не избилъ всѣхъ въ синагогѣ, на священномъ мѣстѣ. Нѣсколько сотъ душъ, оставленныхъ въ живыхъ, принуждены были измѣнить своей религіи, а нѣсколько сотъ были взяты въ плѣнъ татарами.

Скоро мы узнали въ Заславѣ, что татары и казаки осаждаютъ Полонное, ибо мы ежедневно

---

*) См. Талмудъ, тр. Рошъ-Гашана, л. 18. а.—М.

**) Квадратная шерстяная бѣлая шаль съ голубыми полосами и нитями видѣнія на четырехъ ея концахъ (см. Числ. XV, 38 и Второзак. XXII, 12); въ нее облекаются преимущественно женатые при молитвѣ, въ нее же обвиваютъ тѣла покойниковъ-мущинъ. — М.

посылали туда освѣдомляться о положеніи города. Въ вышеозначенный же вторникъ посланецъ не могъ уже приблизиться къ городу, вслѣдствіе осады его врагами, почему и возвратился къ намъ въ среду и передалъ непріятную вѣсть о печальномъ положеніи города; а Заславль отстоялъ только на шесть миль отъ Полоннаго. Поэтому въ четвергъ той же недѣли убѣжали мы, кто какъ могъ, оставивъ наши дома, переполненные всякимъ добромъ: товарами, книгами и разными другими драгоцѣнными вещами. Не жаль было намъ бросать наши деньги, лишь-бы спасти жизнь и нашихъ дѣтей. Нѣкоторые бѣжали въ Острогъ, который тогда считался однимъ изъ главныхъ городовъ въ Россіи. Это былъ городъ большой, населенный людьми набожными, учеными и писателями, такъ что въ немъ сочетались богатство и ученость. Я же съ моимъ тестемъ, Авраамомъ изъ Заслава, съ его семействомъ и родственниками убѣжали на Мижиричь, находящійся отъ Острога въ весьма близкомъ разстояніи. Въ послѣднихъ двухъ городахъ пребывало болѣе 10,000 обывателей съ своими семействами. Они имѣли намѣреніе остаться тамъ на субботу

„Хазонъ“*), чтобы успѣть въ это время освѣдомиться о положеніи Полоннаго, и узнать какое именно направленіе приметъ дѣло. Когда же мы пришли въ пятницу къ полдню въ Мижиричь, то прибылъ вѣстникъ и сообщилъ намъ, что заславскій князь, фельдмаршалъ Доминикъ, долженъ прибыть въ этотъ же день съ большимъ войскомъ и пойти на встрѣчу князю Вишневецкому, чтобъ вмѣстѣ подать помощь Полонному и избавить его отъ непріятельской осады. Такъ и было. Князь прибылъ съ тысячью храбрыхъ воиновъ, а также доблестный герой Лащь, остальное же войско шло позади его. Мы очень обрадовались и думали, что безъ сомнѣнія послѣ субботы *Хазонъ* возвратимся въ наши дома; такъ какъ отсюда до Заслава было только четыре мили. Мы также надѣялись, что князь избавитъ нашихъ полонскихъ единовѣрцевъ отъ несчастья.

Когда приблизился часъ вечерней субботней молитвы, мы пришли въ трепетъ отъ ужасныхъ извѣстій, ибо прибылъ панъ Вишвата, бывшій владѣлецъ Полоннаго и убѣжавшій оттуда со многими панами, а онъ то сообщилъ, что

*) Такъ наз. та суббота, въ послѣдующей недѣлѣ которой приходится день разрушенія іерус. храма. — М.

Полонное взято и всѣ паны и евреи умерщевлены и истреблены, и что вражескіе отряды доходятъ уже до Заслава, равно также и то, что князь Вишневецкій съ своимъ войскомъ убѣжали въ Старо-Константиновъ, а татары и казаки погнались за нимъ; нѣкоторые же изъ нихъ отправляются къ нимъ въ Острогъ и Мижиричь. Тогда испугались вельможи города, и на евреевъ напалъ паническій страхъ; всѣ упали духомъ и взоры всѣхъ были обращены на воеводу, князя Доминика, въ ожиданіи, что́ именно онъ предприметъ. Онъ же въ полночь отправился обратно черезъ тѣ же самыя ворота, чрезъ которыя и прибылъ изъ Польши; ибо онъ боялся отправиться съ своимъ отрядомъ столбовою дорогою, идущей въ Кременецъ на Заславль, гдѣ было пропасть татаръ и казаковъ; сознавая малочисленность своего отряда, онъ отправился въ Кременецъ окольнымъ путемъ, на протяженіи 69 миль, чрезъ овраги и лѣса, а тамъ онъ ждалъ, пока не соберется еще поляковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними отправиться въ Старо-Константиновъ. Народъ же, полагая, что воевода бѣжалъ въ Польшу, разсуждалъ: *„Если пламя охватило кедры, то что станетъ съ при-*

*земистымъ мхомъ? *):* если воевода бѣжалъ, что же намъ остается дѣлать?“ Еврейскіе представители въ Острогѣ, во имя религіи, сдѣлали воззваніе, чтобы ни одинъ еврей не оставался въ городѣ; тоже самое было сдѣлано и въ Мижиричѣ. Ибо непріятель отстоялъ отъ насъ только на двѣ мили; при томъ мы не были обезопасены со стороны мѣстныхъ жителей-православныхъ, боясь, чтобы и они не напали на насъ. И такъ весь народъ пустился въ бѣгство. Кто имѣлъ лошадь и повозку — воспользовался ими, а не имѣвшіе, хотя были у нихъ средства и они могли бы купить таковые, не хотѣли терять времени и, взявъ своихъ женъ и дѣтей, бѣжали пѣшкомъ, оставя все свое имущество на произволъ судьбы; даже тѣ, у которыхъ были экипажи, но имѣли большой багажъ, состоявшій изъ товара, книгъ и другихъ движимостей, оставляли ихъ по дорогѣ у хозяевъ корчемъ, дабы имъ легче было бѣжать. И въ эту субботу *Хазонъ* тянулись въ три ряда лошади и повозки, во всю ширину дороги, безпрерывной вереницею на пространствѣ семи миль отъ Острога до Дубно, а пѣшеходцевъ

---

*) Талмуд. изрѣченіе: Моэдъ-Катанъ, листъ 25, b.—М.

было безчисленное множество. Въ два часа пополудни догнали насъ три всадника: одинъ еврей, по имени Моисей *Цоребъ*, *) изъ Острога, а съ нимъ и два шляхтича, и сказали намъ: „Зачѣмъ вы идете такъ медленно? вѣдь непріятель идетъ вслѣдъ за вами: онъ находится уже въ Мижиричѣ и мы съ трудомъ успѣли увернуться отъ него!“ Вдругъ сдѣлалась страшная суматоха, и наши единовѣрцы очутились въ небываломъ критическомъ положеніи. Каждый сбросилъ съ своего воза серебренную и золотую посуду, платье, книги, подушки и перины, дабы можно было удобнѣе ускорить бѣгство и избавить семейство отъ опасности. Такимъ образомъ на открытомъ полѣ валялось серебро, золото и платье, и небыло еврея, который могъ-бы подобрать все это. На сей разъ исполнилось надъ нами проклятіе: „И серебро и золото разбросятъ они по улицамъ и площадямъ“ **). Нѣкоторые же бросили положительно все: лошадей, повозки, всѣ пожитки и даже женъ и бѣжали укрываться въ лѣса. Многія женщины и мужчины, водившіе дѣтей своихъ за руку, въ суматохѣ бросили ихъ изъ рукъ вонъ и убѣжали

*) Т. е. золотыхъ дѣлъ мастеръ, — М.
*) Ср. Іезекіэль, гл. VII., 19. — М.

въ лѣса и пещеры... Тогда исполнились слова Мойсея: „Вы убѣжите, не будучи преслѣдуемы“ *); ибо все это извѣстіе было ложное: за нами вовсе не гнались ни непріятели, ни татары. Испугъ однакожъ былъ такъ великъ во весь день субботы *Хазонъ*, что каждому изъ насъ чудилось, будто за нимъ гонятся казаки.

Въ воскресенье, послѣ субботы *Хазонъ*, мы узнали сущность дѣла: — что фельдмаршалъ не убѣжалъ въ Польшу, а отправился, какъ уже упомянуто мною, въ Кременецъ. Тогда-то всѣ успокоились, и съ того дня и на будущее время каждый бѣжалъ уже не-торопясь. Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ, да валялись подъ открытымъ небомъ. Но и тамъ мы не нашли спокойствія душевнаго: то грабятъ, то топчутъ, то ругаютъ и позорятъ насъ. Надъ нами исполнилось проклятіе Моисеево: „Между этими народами не успокоишься и не найдешь отдыха для ногъ своихъ и т. д.; и жизнь твоя будетъ висѣть на волоскѣ; будешь трепетать ночью и днемъ, не будучи увѣренъ въ своей жизни“ **). Въ самомъ дѣлѣ, каждую ночь, которую намъ приходилось проводить въ

*) Левитъ, гл. XXIV. 17. — М.

**) Второзак. гл. XXVIII., 65. — М.

домахъ православныхъ, мы опасались, чтобы они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались; а вставъ утромъ живыми, мы читали молитву: „Благословленъ еси Господь, воскресающій мертвыхъ!“.

Бѣдствія городовъ Острога и Заслава.

По взятіи Полоннаго, распорядившись въ немъ по своему, непріятели отправились въ Заславль, гдѣ разграбили все имущество еврейской общины и избили около 200 душъ, неимѣвшихъ возможности убѣжать по причинѣ болѣзни. Нѣкоторые надѣялись на своихъ друзей-православныхъ, полагая, что тѣ ихъ спасутъ; спрятались они въ лѣса, пока не минетъ несчастье. Пробывъ тамъ долгое время, умирая отъ голода и жажды, они предпочитали скорую смерть мучительной жизни. Они рѣшились отправиться въ городъ и умереть тамъ, — ибо „*Лучше быть убитымъ мечемъ, нежели умереть отъ голода*“*). Какъ только они пришли въ городъ, то были схвачены непріятелями, которые собирались убить ихъ; но тѣ упрашивали ихъ, чтобы быть умерщвлены на кладбищѣ. Евреи вошли въ

*) Плачъ Іер., гл. IV, 9. — М.

кладбищенскій домъ, гдѣ они были убиты, а потомъ варвары сожгли домъ вмѣстѣ съ трупами. Такимъ образомъ они были казнены двумя родами смерти: избіеніемъ и сожженіемъ. Съ заславскихъ ксендзовъ содрали кожу заживо; тѣло князей, похороненныхъ тамъ испоконъ вѣка, выбросили изъ гробницъ, какъ гадину, а ихъ серебрянные и золотые гробы ограбили. Костелы разорили, опустошили также и синагогу, которую обратили въ конюшню. Точно также они поступили въ Острогѣ, гдѣ избили около 600 оставшихся тамъ душъ.

Бѣдствія города Старо-Константинова.

Оттуда они поворотили въ Старо-Константиновъ со всѣми своими войсками. Князь Вишневецкій пошелъ имъ на встрѣчу и, нанесши имъ сильное пораженіе, возвратился въ упомянутый городъ. Однакожъ они начали приближаться къ городу; князь опасался мѣстныхъ жителей, которые были также православные, чтобы они не возстали противъ него, вслѣдствіе того обстоятельства, что непріятели расположились недалеко за городомъ. Поэтому изъ города начала выселяться вся знать. Князь Вишневец-

кій съ своимъ войскомъ, а также евреи, у которыхъ были экипажи, поѣхали за нимъ; не успѣвшіе прежде приготовить себѣ экипажи, расчитывая на находившихся въ городѣ князя и его войско, остались въ немъ, такъ что тамъ была еще значительная масса евреевъ. Какъ только князь удалился отъ города на разстояніи мили, непріятели въ него ворвались, во вторникъ, 9-го Ава (Августъ)*), и было избито 3000 евреевъ, а богатство ихъ разграблено. Между прочими былъ убитъ *гаонъ* раби-Ашеръ, бывшій полонскій раввинъ, да еще многіе другіе ученые, имена коихъ мнѣ неизвѣстны.

Послѣ ограбленія непріятелями Старо-Константинова, князь Вишневецкій послалъ сказать имъ: „Доколѣ будете опустошать мѣстности и убивать напрасно людей? Если вы храбры и многочисленны, то выступайте сражаться со мною въ открытомъ полѣ!“ Тогда выбрали поле сраженія возлѣ города Липовца, вблизи рѣчки, въ пяти миляхъ отъ Старо-Константинова. Оба непріятели устроили лагерь противъ лагеря: казаки и татары на одной сторонѣ, а князь Вишневецкій съ своимъ вой-

*) День разрушенія перваго и второго Іерусалимскаго храма. — М.

скомъ на другой, противуположной. Къ обоимъ лагерямъ прибавилось еще по нѣсколько отрядовъ. Прибылъ и Хмѣль со всѣмъ своимъ казачьимъ войскомъ и прочимъ православнымъ людомъ, около 500,000 человѣкъ; прибылъ также фельдмаршалъ князь Доминикъ съ своимъ вооруженнымъ польскимъ войскомъ и артиллеріею, всего около 30,000 воиновъ, да и кромѣ сказаннаго прибавились еще нѣкоторые отряды къ обѣимъ сторонамъ. Простояли оба лагеря такимъ образомъ около двухъ мѣсяцевъ. Число русскихъ доходило до 600,000, во главѣ коихъ были Хмѣль и Кривоносъ; поляки-же въ числѣ 80,000 опытныхъ воиновъ, во главѣ коихъ были князья Доминикъ и Вишневецкій, у которыхъ находилось 150,000 экипажей и возовъ, нагруженныхъ яствами, и напитками, и несмѣтное количество серебрянной и золотой посуды, платья и царскихъ сокровищъ. Но эти 600,000 русскихъ не стоили даже 20,000 польскаго войска; ибо русское войско состояло изъ горожанъ и крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, косами и серпами, и не привыкшихъ ходить на войну. Ихъ образъ веденія войны состоялъ въ общемъ крикѣ, шумѣ и гамѣ, дабы навести страхъ на противника; они обыкновенно прибѣгали также къ большимъ хитростямъ. Но

между ними не было пріученныхъ къ войнѣ, развѣ только казаки и нѣкоторые изъ татаръ, всего 20,000 человѣкъ; за то поляки были всѣ люди военные и опытные.

Воскресенье, 4-го Тишры 5409 г. (Сентября 1649 г.) произошла генеральная битва, и Поляки одержали верхъ: князь Вишневецкій наносилъ непріятелю сильныя пораженія впродолженіе всего этого дня. Въ понедѣльникъ же князь еще больше усилился и избивалъ казаковъ тысячами и десятками тысячъ. И еслибъ паны пустили его продолжать битву и во вторникъ, тогда и помину не осталось бы отъ непріятеля, такъ какъ русскіе, въ страшномъ отчаяніи, порѣшили предать своихъ военачальниковъ въ руки ихъ господъ, польскихъ пановъ, помириться съ послѣдними и служить имъ вѣрно.

Узнавъ это, злодѣй Хмѣль употребилъ хитрость, послалъ письмо къ воеводѣ, князю Доминику, съ просьбою дать перемиріе на вторникъ, а въ среду покончить войну. Цѣль же его была удержать поляковъ до четверга; такъ какъ два татарскіе военачальника Бей и Тугай-бей шли къ нему на помощь, а съ ними сто тысячъ храбрыхъ татаръ, которые были отъ

него на разстояніи только одного дня. Князь Доминикъ согласился на его просьбу, принявъ перемиріе на вторникъ; ибо онъ и воевода Тышкевичъ сказали князю Вишневецкому: „Доколѣ ты будешь истреблять нашихъ крѣпостныхъ русскихъ крестьянъ? Кто будетъ пахать намъ землю и дѣлать другія домашнія и полевыя работы? Да надъ кѣмъ мы будемъ панами, если у насъ рабовъ не будетъ, если мы всѣхъ ихъ истребимъ?!“ Вслѣдствіе этого поляки умилосердились надъ русскими и дали имъ покою весь вторникъ.

Во вторникъ къ вечеру прибыло 100,000 вооруженныхъ татаръ къ лагерю казаковъ. Оба непріятельскіе лагеря, т. е. татарскій и казацкій, возликовали, били въ барабаны, и музыка гремѣла; шумѣли они до того, что чуть земля не треснула отъ ихъ неистовыхъ криковъ. Въ польскомъ же лагерѣ не знали причины этой радости. Случайно поляки схватили одного изъ казаковъ и привели его къ князьямъ, и онъ-то объяснилъ, что къ нимъ, казакамъ, пришли на помощь 100,000 татаръ, вооруженныхъ богатырей, противъ которыхъ никто не устоитъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что Хмѣль послалъ къ Доминику письмо слѣдующаго содержанія: „Мпръ

тебѣ, государь, господинъ нашъ, великій князь Владиславъ Доминикъ, фельдмаршалъ польской арміи! Вотъ я и народъ мой заявляемъ тебѣ благодарность за твое благоволеніе дать намъ отдыхъ на вторникъ. За это и я, съ своей стороны, предостерегаю тебя и даю тебѣ хорошій совѣтъ: — убраться сію же ночь съ своимъ войскомъ, такъ какъ ко мнѣ прибыло безчисленное множество татаръ, противъ которыхъ и противъ моего войска вы никоимъ образомъ не устоите, и дабы польское королевство не попало въ руки татаръ; а за то, что ты умилосердился надъ нашей жизнью, мы сдѣлаемъ и тебѣ добро и не разоримъ твоихъ владѣній, какъ мы это сдѣлали другимъ польскимъ панамъ!“ Узнавъ это, князья и вельможи сильно испугались и въ полночь бѣжали изъ лагеря. Въ среду, на зарѣ, когда оставшіеся поляки замѣтили, что всѣ ихъ князья и главные вельможи убѣжали, то и они пустились въ бѣгство, кто только могъ, оставивъ всѣ экипажи и обозъ съ провіантомъ, а сокровища свои — на рукахъ хранителей обоза; но и тѣ бѣжали, оставивъ шатры, лошадей иословъ, а по дорогѣ бросили серебро, золото и платье, дабы можно было на-легкѣ бѣжать. Когда же татары и казаки пришли къ польскому лагерю

и увидѣли, что тамъ никого нѣтъ, имъ не вѣрилось, чтобы всѣ убѣжали, полагая, что поляки навѣрное употребили военную хитрость: устроили засаду въ полѣ, дабы нагрянуть на нихъ внезапно сзади. Поэтому они послали людей по слѣдамъ ушедшихъ поляковъ и, увидѣвъ, что вся дорога покрыта брошенными въ попыхахъ платьями и оружіемъ, пустились за ними въ погоню. Русскіе и татары разсыпались по всѣмъ провинціямъ Польши, Россіи и Литвы. Православные же вообще, во всѣхъ мѣстахъ ихъ пребыванія, какъ только вѣсть о случившемся дошла къ нимъ, возставали противъ своихъ господъ и жестокимъ образомъ убивали всѣхъ находившихся тамъ пановъ и евреевъ. Наступило тогда для евреевъ такое бѣдственное время, какого еще никогда не было! Нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ о несчастьи, успѣли бѣжать въ укрѣпленные города: въ Баръ, Каменецъ-Подольскъ, Броды, Львовъ, Бучачъ, Ясловицъ, Жолквы, Наролъ, Перемышль, Бѣльцы, Сокальскій монастырь и Замостье; нѣкоторые бѣжали въ Валахію, а другіе въ мѣстности за Вислою.

Бѣдствія Литвы.

Жители литовскихъ провинцій убѣжали въ Вильну и Гродно, куда непріятели не проникли. Было еще много городовъ, гдѣ евреи собирались тысячами; эти города были опустошены и евреи умерщевлены. Въ Гомлѣ было избито ихъ нѣсколько тысячъ, прославившихъ имя Божіе. Оттуда непріятели отправились въ Стародубъ, гдѣ совершили тоже большую рѣзню среди евреевъ. Въ Черниговѣ, Брагинѣ и Влодовѣ, куда собралось множество евреевъ, было также убито всевозможными жестокими смертями около 10,000 душъ; и въ другихъ большихъ литовскихъ городахъ были истреблены тысячи и десятки тысячъ евреевъ. (Да отомститъ Богъ за ихъ кровь!) Жители же городовъ Слуцка и Брестъ-Литовска бѣжали частью въ Велпкую Польшу, а частью въ Данцигъ, переправившись чрезъ Вислу. Бѣдный же народъ, оставшійся въ Брестѣ и Пинскѣ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, были умерщевлены, прославляя имя Божіе. Также на открытомъ полѣ отъ Пинска гнались непріятели за евреями и, настигнувъ ихъ, совершили большую рѣзню. За то поляки успѣли отомстить за себя русскимъ, жившимъ въ Пинскѣ. Когда

литовскій воевода, князь Раздивиллъ узналъ, что жители Пинска взбунтовались и пустили злодѣевъ въ городъ, то онъ съ нѣсколькими тысячами поляковъ осадилъ городъ и поджегъ его со всѣхъ четырехъ сторонъ, а злодѣи, желавшіе бѣжать водою на лодкахъ, утонули; нѣкоторые же сгорѣли или были убиты. Такимъ то образомъ онъ имъ отомстилъ за евреевъ. Жителямъ Слуцка тоже удалось отомстить русскимъ: они послали къ послѣднимъ, чтобы тѣ пришли къ нимъ, такъ какъ у нихъ имѣется множество евреевъ и пановъ, которыхъ предадутъ въ ихъ руки; на самомъ же дѣлѣ евреевъ вовсе тамъ небыло, ибо всѣ давно успѣли бѣжать. Непріятели не могли представить себѣ, чтобы мѣстные жители воевали противъ нихъ. Между тѣмъ, когда они приблизились къ городскимъ воротамъ, горожане начали стрѣлять со стѣны крѣпости и изъ воротъ и произвели въ нихъ большой уронъ, такъ что они принуждены были бѣжать; изъ города пустились за ними въ погоню и разбили ихъ на голову.

Бѣдствія города Бара.

Послѣ того, какъ поляки бѣжали изъ лагеря, который татары и казаки совершенно разграбили,

захвативъ во множествѣ серебро, золото и дорогіе экипажи съ дорогими лошадьми, Хмѣль, со всѣмъ своимъ войскомъ и татарами, отправился для покоренія украинскихъ городовъ въ Польшѣ; а нѣкоторыхъ изъ своихъ онъ послалъ покорить Баръ. Ибо въ этомъ укрѣпленномъ городѣ было большое скопленіе пановъ и евреевъ. Но стрѣльцы, стрѣлявшіе изъ крѣпости, метали въ нихъ свои стрѣлы и не дали приблизиться къ ней, такъ что непріятелямъ пришлось осаждать городъ продолжительное время. Но мѣстные русскіе жители придумали вотъ что. Они вырыли подземный ходъ и злодѣи чрезъ него ночью вошли въ городъ и начали убивать народъ. Евреи и паны убѣжали въ сильную крѣпость, которую они успѣли еще больше укрѣпить; въ ней же не было православныхъ. Непріятель осаждалъ эту крѣпость довольно значительное время, устроилъ противъ него большіе валы и стрѣлялъ въ осажденныхъ изъ пушекъ, которыя по-нѣмецки называются Räder-Büchsen, пока не завладѣлъ крѣпостью и избилъ всѣхъ евреевъ и пановъ, находившихся въ ней, всевозможными смертями, разграбивъ ихъ богатства. Число избіенныхъ въ Барѣ однихъ евреевъ доходило до 2000 душъ. Злодѣй Хмѣль отправился со всѣмъ своимъ

войскомъ въ Старо-Константиновъ, затѣмъ въ Заславль и Острогъ, которые уже разъ разорены были татарами и казаками. Оттуда они отправились въ Дубно, гдѣ также была сильная крѣпость, подобно которой не было во всемъ польскомъ королевствѣ; городъ же былъ во владѣніи фельдмаршала князя Доминика. Когда князья и паны убѣжали съ поля сраженія, осталось въ Дубно нѣсколько сотъ евреевъ, надѣявшихся найти убѣжище въ крѣпости. Но когда злодѣи приблизились къ городу, одинъ вельможа съ 80-ью отважными воинами упомянутаго князя вошли въ крѣпость, заперли ее накрѣпко и усилили ея оборонительныя средства, но не впустили туда ни одного изъ евреевъ, вслѣдствіе чего послѣдніе были истреблены предъ крѣпостью, въ числѣ 1,100 душъ. Когда Хмѣль пришелъ въ Дубно, онъ удивился сильнымъ веркамъ крѣпости и сказалъ, что нѣтъ никакой возможности взять ее и что глупцы паны, бѣжавшіе оттуда. Въ этой крѣпости находились большія сокровища евреевъ и пановъ. Хмѣль не рѣшился осаждать ее по причинѣ ея неприступности. Оттуда онъ отправился съ своимъ войскомъ въ Броды. Этотъ городъ принадлежалъ Хорунжему, бывшему заклятымъ врагомъ

Хмѣля, который теперь, въ свою очередь, старался погубить Хорунжаго и опустошить его владѣнія, въ особенности эту резиденцію его, которую онъ дѣйствительно разорилъ и сжегъ. Евреи же и паны, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, убѣжали въ сильную мѣстную крѣпость, имѣвшую двойную стѣну и окруженную водою. Долгое время непріятели осаждали крѣпость и не могли приблизиться къ стѣнамъ ея, вслѣдствіе стрѣльбы изъ ружей, которая причинила имъ громадный уронъ. Однакожъ страхъ овладѣлъ осажденными по причинѣ свирѣпствовавшей заразы: „*На улицѣ мечь избивалъ, а въ домахъ ужасъ*!“ *). Отъ этой заразы умерло около 1000 душъ евреевъ. Вообще внутри всѣхъ тѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя были осаждены врагами, распространилась опустошительная эпидемія.

Бѣдствія города Львова.

Послѣ всего вышесказаннаго, Хмѣль отправился со всѣмъ войскомъ для осады Львова. Львовская община была одна изъ четырехъ главныхъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ. Въ ней было много ученыхъ богослововъ и писателей.

*) Второзак. гл. XXXII, 25. — М.

Когда враги приблизились къ городу, то расположились на полѣ предъ высокой крѣпостью, находившейся за городомъ. Съ высоты крѣпости же они стрѣляли и убивали казаковъ и татаръ тысячами. Но поляки, за недостаткомъ воды, были принуждены оставить эту крѣпость и отправиться во внутрь города. Мѣстные жители сами подожгли всѣ тѣ дома, которые лежали возлѣ крѣпости, дабы враги не могли тамъ укрываться. Однакожъ послѣднимъ удалось завладѣть высокою крѣпостью, а затѣмъ приступили со всѣхъ сторонъ къ осадѣ города, такъ что жители боялись выходить изъ домовъ, вслѣдствіе ружейныхъ выстрѣловъ изъ взятой непріятелями крѣпости. Въ городѣ свирѣпствовали голодъ и зараза, отъ коихъ умерло около 10,000 душъ. Когда врагамъ надоѣло стоять подъ городомъ, коимъ не могли завладѣть, они засыпали загородные источники, снабжавшіе городъ водою, такъ что народъ вовсе не имѣлъ воды. Тогда всѣ заговорили: „Зачѣмъ намъ умирать отъ голода и жажды? Пошлемъ лучше къ непріятелямъ, можетъ быть они согласятся взять выкупъ“. И жители отправили посланцевъ, чтобы сговориться съ ними на этотъ счетъ. Это понравилось Хмѣлю, который ска-

залъ своимъ подчиненнымъ: „Какая намъ польза избивать осажденныхъ? Лучше возьмемъ съ нихъ выкупъ!“ Засимъ онъ послалъ въ городъ своего тысяцкаго Головацкаго, одного изъ польскихъ пановъ, измѣнившихъ королю и присягнувшихъ Хмѣлю, а съ нимъ нѣсколько чиновныхъ казаковъ, чтобы вести переговоры о соглашеніи. Потомъ и со стороны города было послано къ Хмѣлю, въ качествѣ депутатовъ, много пановъ и почетныхъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и раби-Шимонъ, Львовскій *штадланъ**), съ полномочіемъ вести переговоры. Состоялось соглашеніе, чтобы весь городъ, паны и евреи, далъ выкупъ въ 200,000 золотыхъ. Но за неимѣніемъ столькихъ денегъ, они дали Хмѣлю серебренныя и золотыя вещи и другіе товары, по весьма низкой цѣнѣ. Вѣсили же благородные металлы, какъ олово, на большихъ вѣсахъ, и то еще были приняты за полцѣны. Такимъ образомъ горожане Львова были обобраны дочиста... И еслибъ Господь-Богъ не умилосер-

---

*) Каждая еврейская община имѣла всегда своего повѣреннаго по дѣламъ, ходатая, болѣе или менѣе знавшаго мѣстные законы и владѣвшаго языкомъ господствующей народности. Такой кагальный ходатай носилъ названіе „штадланъ“. — М.

дился надъ своимъ народомъ, сыновьями Израиля, жившими тамъ десятками тысячъ и отличившимся великою ученостью, совершившими большое покаяніе, такъ что ихъ вопли достигли Неба, вслѣдствіе чего Онъ внушилъ злодѣямъ войти съ ними въ соглашеніе, — если бы всего этого не было-бъ и жители остались бы въ осадномъ положеніи, хотя бы еще одну недѣлю, то *всѣ* вымерли бы отъ голода и жажды.

Оттуда непріятели отправились осадить Жолквы. Они уже хотѣли приблизиться къ крѣпости и приставить лѣстницы, но съ крѣпости обливали ихъ кипяткомъ и принудили бѣжать; въ убѣгавшихъ же стрѣляли изъ крѣпости и убивали ихъ во множествѣ. Тогда злодѣи, посовѣтовавшись, рѣшили: „Лучше намъ послать къ горожанамъ и войти съ ними въ мировую сдѣлку, какъ съ Львовцами“. И послали они сказать горожанамъ: „Вѣдь вы не лучше, чѣмъ главный городъ Львовъ, который не могъ устоять противъ насъ и вошелъ съ нами въ соглашеніе? Поэтому, если вы согласитесь на это, — прекрасно; въ противномъ же случаѣ, мы всѣ соберемся сюда осадить васъ, а затѣмъ отомстимъ вамъ жестокими наказаніями, какъ мы поступили и въ другихъ мѣстностяхъ

этого края..." Предложеніе это понравилось горожанамъ, и они послали изъ города однаго ксендза, однаго пана и однаго еврея для веденія переговоровъ. Соглашеніе состоялось. Горожане дали имъ 20,000 золотыхъ и отдѣльно 2000 золотыхъ тысяцкому Головацкому. Отправляясь оттуда, они оставили нѣсколько тысячъ казаковъ для охраненія города отъ другихъ казаковъ, которые вздумали бы осадить его вторично. Точно также они поступили и съ другими осажденными ими укрѣпленіями въ Малой-Польшѣ, Россіи, Подоліи и Литвѣ.

Всѣ же паны и евреи укрѣпленныхъ городовъ: Каменецъ-Подольска, Ясловица, Бучача, Комарна, Бѣльза и Сколькаго монастыря, съумѣли защититься отъ непріятелей: стрѣляли въ нихъ изъ пушекъ и избивали множество злодѣевъ, такъ что они не могли покорить ни одной изъ названныхъ крѣпостей, и удалились отъ нихъ съ большимъ стыдомъ; ибо осажденные не хотѣли дать имъ ни малѣйшаго выкупа. За то въ этихъ мѣстахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни и сильный голодъ, отчего и вымерли тысячи и десятки тысячъ евреевъ. Непріятелями былъ осажденъ также большой городъ Перемышль, жители котораго отличались набожностью и

ученостью; они чуть не овладѣли имъ, но Всевышній умилосердился надъ его жителями. Ибо пришелъ одинъ панъ, по имени Каранкій съ 600 храбрыхъ воиновъ и избавилъ городъ своею мудростью. Города же и села до рѣки Сона были всѣ разорены *).

Бѣдствія города Нарола.

Оттуда непріятели отправились въ Наролъ и обложили его. Въ немъ собрались десятками тысячъ евреи и нѣсколько тысячъ пановъ; тамъ же не было ни одного русскаго. Городъ имѣлъ три населенныхъ центра, близкихъ другъ къ другу. Евреи, находившіеся въ городѣ, сначала намѣревались бѣжать, но владѣлецъ города не пустилъ ихъ, пріободривъ ихъ слѣдующими словами: „Станемъ дружно противъ непріятелей и будемъ сражаться, по примѣру укрѣпленныхъ городовъ!“ Но когда городъ уже былъ осажденъ, непріятели заявили желаніе войти въ соглашеніе, на что евреи и были готовы; но владѣлецъ города не согласился, вслѣдствіе чего они вступили въ трехдневный бой съ непріятелями и

*) Сонъ притокъ Вислы. Извѣстна поговорка Хмѣльницкаго: „Знай, ляше, по Сонъ наше!“ — М.

убивали послѣднихъ во множествѣ. Потомъ злодѣй Хмѣль подослалъ противъ нихъ еще чрезвычайно многочисленное вспомогательное войско, и городъ былъ взятъ 17 Хешвана, 5409 г. (Октябрь, 1649 г.). Прежде всего они убили владѣльца города, Лаща, содравъ съ него кожу заживо и измучивъ его всевозможнымъ образомъ; затѣмъ умертвили болѣе 12,000 евреевъ разными жестокими способами, а многіе евреи утонули. Нѣсколько же сотъ заперлись въ синагогѣ, но непріятели разломали двери, убили укрывшихся евреевъ, а потомъ сожгли синагогу вмѣстѣ съ трупами. Рѣзни, подобно нарольской, не было еще нигдѣ во всѣхъ польскихъ областяхъ. Татары забрали многихъ въ плѣнъ, а всѣ три населенныхъ центра были сожжены и превращены въ пепелъ, какъ Содомъ. Одна женщина, оставшаяся въ живыхъ среди убитыхъ, разсказала мнѣ, что подобно ей остались нѣсколько сотъ женщинъ и дѣтей, а также небольшое число мужчинъ, кои пять дней не имѣли никакой пищи и пользовались человѣческимъ мясомъ: отрѣзавъ отъ труповъ куски, они жарили ихъ на огнѣ. Нѣсколько же тысячъ труповъ были съѣдены собаками и свиньями. Что же до остальныхъ труповъ, то изъ Перемышля

послали людей, которые, взявши съ собою на нѣсколько сотъ золотыхъ полотна для савановъ, предали эти трупы землѣ. Да вознаградитъ ихъ Богъ за доброе дѣло!

Бѣдствія годора Замостья.

Оттуда отправился злодѣй Хмѣль со всѣмъ своимъ безчисленнымъ войскомъ изъ татаръ и казаковъ и осадилъ городъ Замостье. Это былъ необыкновенно сильный городъ, окруженный двойною крѣпостью и глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою. Какъ только непріятели прибыли туда, горожане сожгли всѣ близкіе къ крѣпости дома, дабы враги не могли въ нихъ укрываться. Имъ удалось не допустить врага приблизиться къ городу на разстояніи полъ мили. Это продолжалось много дней. Въ это же время непріятели разсыпались въ окрестныхъ городахъ, гдѣ совершили большую рѣзню: въ Томошовѣ, Щебрешинѣ, Турбинѣ, Гробишовѣ, Тарноградѣ, Бѣлгоріи, Горіи, Крипицѣ и Красникѣ, гдѣ избивали тысячи и десятки тысячъ евреевъ. Также на Волыни: во Владимірѣ-Волынскѣ, Луцкѣ, Кременцѣ и ихъ окрестностяхъ убили они нѣсколькотысячъ евреевъ. Въ Кременцѣ одинъ татаринъ взялъ

ножъ еврейскаго рѣзника и вырѣзалъ нѣсколько сотъ еврейскихъ мальчиковъ, спрашивая всякій разъ товарища: „кошеръ или трефъ?“ *) получивъ отвѣтъ, что трефъ, бросалъ трупъ собакамъ. Затѣмъ онъ бралъ другаго мальчика, рѣзалъ его и объявлялъ: „вотъ этотъ кошеръ!“, — почему онъ и изслѣдовалъ внутренность, какъ евреи обыкновенно поступаютъ съ козлятами и овечками, и носилъ его на шестѣ по всѣмъ улицамъ, выкрикивая при томъ: „Кому угодно купить козлятъ и овечекъ?!“ Да умилосердуетъ Господь души этихъ младенцевъ! Возлѣ Быхова, въ „*бейнъ-гамцаримъ*“**) злодѣи также настигли нѣскокько сотъ повозокъ съ евреями и избили всѣхъ; тоже самое сдѣлали они и въ другихъ мѣстахъ, такъ что нѣтъ возможности все описывать. Разорили они болѣе семи сотъ обществъ: вообще всѣ мѣстности до рѣки Вислы. — Замостье они осаждали долгое время и не могли его взять. Ибо тамъ былъ комендантомъ нѣмецъ, по имени Вайеръ, съ 6,000 отважныхъ

---

*) Т. е. годное-ли по еврейскому закону къ употребленію, или негодное? — М.

**) „Бейнъ-Гамцаримъ“ называтся промежутокъ времени отъ 17 Тамуза (Іюнь) де 9-го Ава (Августъ), т. е. со дня осады Іерусалима до дня разрушенія храма. — М.

солдатъ изъ нѣмцевъ же, кои стрѣляли съ крѣпости по непріятелямъ и избивали изъ нихъ множество. Между тѣмъ зараза и большой голодъ свирѣпствовали въ городѣ, отчего вымерло нѣсколько сотъ евреевъ. Когда врагамъ надоѣло тамъ ждать, они придумали хитрость и посредствомъ колдовства пустили огненнаго змѣя къ небу, принявъ за примѣту: если змѣй направится къ городу, то покорятъ его, а если направится къ нимъ, то имъ придется бѣжать. Въ полночь они замѣтили поднявшагося къ небу змѣя, который держался въ воздухѣ неподвижно лицомъ къ городу, около полъ часа, но затѣмъ обратился къ татарскому лагерю. Они приняли это за зловѣщее знаменіе о предстоящемъ имъ несчастьи,и немедленно послали сказать жителямъ города: „Лучше же вамъ войти въ соглашеніе съ нами, какъ сдѣлали жители Львова, нежели умереть съ голоду.“

Едва услышали это горожане, какъ поспѣшили заявить свое согласіе и дать имъ 20,000 золотыхъ. Затѣмъ приблизились татары и казаки къ крѣпости, привели много плѣнныхъ на выкупъ; горожане-евреи и выкупили нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Да вознаградитъ ихъ Господь за доброе дѣло!

И отправился бѣдовый Хмѣль съ своею ратью, казаками и татарами, въ походъ противъ города Люблина, который считался одною изъ четырехъ главныхъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ, и не имѣлъ равныхъ себѣ во всемъ королевствѣ по учености, богатству и благотворительности. Горожане бѣжали за рѣку Вислу, оставивъ въ городѣ только нѣсколько сотъ мелкихъ обывателей, снабженныхъ большими денежными суммами, дабы они могли оказывать помощь мѣстнымъ бѣднякамъ, въ особенности же прибѣжавшимъ къ нимъ изъ другихъ окрестностей. — Между тѣмъ всѣ польскіе вельможи и воеводы собрались въ столицѣ Краковѣ для избранія короля, дабы государство не осталось „яко стадо безъ пастыря“. Но между ними возникло разногласіе: одни желали провозгласить королемъ гнѣздненскаго кардинала Казиміра (да возвеличится слава его!), другіе желали брата его Карла, а третьи думали возвести на престолъ венгерскаго Семиградскаго князя Ракочи.

Когда Хмѣль узналъ объ этомъ, онъ отправилъ пословъ въ Краковъ передать вельможамъ, что если они изберутъ въ короли гнѣздненскаго кардинала Казиміра, то онъ отступитъ и не станетъ больше воевать съ ними. Предло-

женіе это было благосклонно принято, и королемъ былъ провозглашенъ Казиміръ, второй сынъ Зигмунда.

Въ 5409 году, въ мѣсяцѣ Хешванъ (Октябрь 1649) былъ коронованъ государь нашъ, король Казиміръ. Да возвеличится слава его, да падутъ предъ нимъ враги его, да узритъ онъ потомство и да продлятся дни его! Ибо онъ государь праведный, богобоязненный и іудофилъ. Женился же онъ на вдовѣ покойнаго брата своего, короля Владислава.

Сѣвъ на престолъ, онъ немедленно послалъ письмо злодѣю Хмѣлю, чтобы тотъ отправился во свояси со всѣмъ своимъ войскомъ; а что касается его претензій къ королевству, то онъ, король, уладитъ такъ, чтобы было выгодно для обѣихъ сторонъ.

Вышесказанное письмо застало Хмѣля на пути къ Люблину, въ разстояніи четырехъ миль отъ города. Онъ съ радостью принялъ королевское посланіе и немедленно возвратился во свояси. Такимъ образомъ страна отдохнула отъ войны въ продолженіи всей зимы. Безъ сомнѣнія великая заслуга люблинцевъ, оказывавшихъ благодѣянія своимъ собратамъ и единовѣрцамъ, какъ оставшимся въ живыхъ, такъ и усопшимъ, была причи-

ною тому, что они были спасены отъ непріятельскаго оружія. Однакожъ во время пребыванія врага подъ Люблиномъ городъ былъ на-крѣпко запертъ и никого не впустили и не выпустили, такъ что въ городѣ распространился моръ, отчего и вымерло болѣе 10,000 евреевъ. Точно также между убѣжавшими за Вислу евреями зараза свирѣпствовала во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они поселились; они ночью *бросали* своихъ покойниковъ на кладбища, дабы христіане не замѣчали этого и не злорадствовали. Это не былъ обыкновенный моръ, но болѣзнь, называвшаяся «хумъ» (*тифъ*?) и появившаяся вслѣдствіе тягостей переѣзда и постояннаго страха. Многіе изъ бѣдняковъ, которыхъ христіане не впускали въ свои дома, валялись по улицамъ и умирали отъ холода и голода. Одинъ другому не оказывалъ помощи и отецъ не имѣлъ состраданія къ родному сыну, такъ что отъ упомянутой болѣзни вымерло болѣе 100,000 душъ. Да сохранитъ и избавитъ насъ Господь! Еврейскій народъ тогда сильно обѣднѣлъ; оставшіяся не расхищенными золотыя и серебряныя вещи продавались за полцѣны, а шелковая и прочая одежда отдавалась за треть стоимости. Книги же, за неимѣніемъ покупателей, потеряли всякую цѣнность,

ибо наука была въ полномъ пренебреженіи, между тѣмъ какъ драгоцѣнные предметы и платья покупались хоть не-евреями.

Когда евреямъ стало вѣдомо, что враги возвратились уже въ свою землю и что помѣщики вслѣдъ за ними отправляются въ свои помѣстья, то и они стали возвращаться въ тѣ мѣста, гдѣ поселились помѣщики. Предѣломъ для возвратившихся былъ городъ Заславль, дальше котораго въ это время боялись ѣздить какъ паны, такъ и евреи; ибо повсюду еще бродили запорожцы. Въ Острогѣ же, Заславѣ и Корецѣ находилось около 2000 ратниковъ изъ людей фельдмаршала Доминика, (да возвеличится слава его!) и князя Корецкаго: а евреи, возлагая свои надежды на Бога и на воиновъ, думали, что найдутъ тамъ средства для пропитанія себя и семействъ своихъ, что горожане-христіане, можетъ быть, уплатятъ слѣдуемые имъ долги.

Вторичныя бѣдствія г. Острога.

Острожскіе горожане-христіане употребили хитрость: они сначала задабривали евреевъ и послали къ нимъ во всѣ окрестныя мѣста письма съ приглашеніемъ возвратиться домой

и не бояться казаковъ, такъ какъ король заключилъ миръ. Бѣдныя евреи, принявъ это за чистую правду, очень обрадовались, и числомъ около 300 душъ отправились въ Острогъ. Послѣ того какъ евреи пробыли тамъ три недѣли, а именно отъ 1-го дня Адара до вторника, 18 числа того же мѣсяца, 5405 года, (Мартъ, 1649), острожскіе мятежники послали къ казакамъ, находившимся около города, чтобы они немедленно прибыли къ нимъ, такъ какъ у нихъ находится уже множество евреевъ и польскихъ пановъ, и что они окажутъ имъ свое содѣйствіе. И вотъ, въ полночь 19-го Адара, казаки тысячами вторглись въ Острогъ и избили всѣхъ пановъ и евреевъ въ постеляхъ, такъ что успѣли бѣжать только трое евреевъ и одинъ польскій военачальникъ съ 80-ью воинами, за которыми казаки, оставивъ городъ, пустились въ погоню; — такъ что, вслѣдствіе этого обстоятельства, изъ города вышло нѣсколько тысячъ казаковъ. Но паны скоро обратились лицомъ къ преслѣдовавшимъ ихъ и успѣли убить большую часть ихъ; только немногимъ удалось бѣжать обратно въ городъ.

Когда узнали объ этомъ случаѣ паны и евреи, живущіе въ Заславѣ и въ другихъ общинахъ,

близкихъ къ Острогу, то они всѣ разбѣжались въ Дубно и въ Олыку, а другіе въ Кременецъ. Казиміръ и магнаты, узнавъ, что казаки продолжаютъ злодѣйствовать, назначили полководцемъ вельможу Фирлея, давъ ему около 20,000 солдатъ для похода противъ казаковъ. И отправился воевода Фирлей въ Острогъ, гдѣ онъ отомстилъ горожанамъ и учинилъ строгую расправу. Оттуда онъ отправился въ Заславль, и расположился большимъ лагеремъ вблизи новаго предмѣстья, гдѣ засѣли казаки. Онъ жестоко наказалъ жителей Заслава; тамъ къ нему присоединилось нѣсколько сотъ ополченцевъ изъ отважныхъ, которые тоже отправились отомстить врагамъ. Фирлей же отправилъ нѣсколько тысячъ поляковъ и нѣсколько сотъ евреевъ въ окрестныя мѣста, гдѣ находились бунтующіе казаки, и имъ удалось нанести послѣднимъ большое пораженіе и овладѣть всѣми мѣстностями; однимъ словомъ, они имѣли повсюду удачу. Также каменецкій воевода, Ляндскронскій, славившійся военною доблестью, съ нѣсколькими тысячами ратниковъ, въ городѣ Ожговицѣ, въ 9 верстахъ отъ Заслава, нанесъ казакамъ, съ другой стороны, большое пораженіе. Счастье имъ улыбалась во все время пребыванія подъ Заславомъ, а именно впродолженіе 19-ти

недѣль. Они жестоко наказывали казаковъ, воздавъ имъ по заслугамъ.

Полководецъ Фирлей двинулъ свою рать изъ Заслава, съ цѣлью приблизиться къ Ляндскоронскому и его войскамъ, чтобы соединиться съ ними; соединеніе же произошло около Цыганскаго Камня. Обѣ арміи расположились большимъ лагеремъ. Злодѣй Хмѣль, узнавъ, что поляки собрались въ походъ противъ него и разорили уже много православныхъ селеній, перебивъ въ нихъ множество жителей, притворился безучастнымъ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ, а между тѣмъ собралъ всѣ военныя силы и послалъ также къ татарскому хану, приглашая его съ своимъ войскомъ.

Полководецъ же Фирлей, узнавъ о томъ, что татары и казаки собираются, послалъ письмо увѣдомить короля Казиміра, чтобы онъ издалъ указъ, по которому всѣ паны королевства оказали-бы военную помощь своимъ собратамъ. Это предложеніе было принято королемъ, и онъ велѣлъ оповѣстить по всему королевству, что каждый, принадлажащій къ шляхтѣ долженъ отправиться на войну самъ или послать вмѣсто себя своего челядинца, иначе онъ лишится шляхетскаго званія. Но паны, по своему обык-

новенію, медленно двигались въ походъ въ пышныхъ экипажахъ, между тѣмъ какъ татары и казаки были очень многочисленны и быстро двинулись въ походъ. Когда казаки подошли близко къ польскому лагерю, то тотъ удадился еще на шесть миль до городовъ Бурмушта и Бараша (?), гдѣ къ нему прибылъ изъ Львова князь Вишневецкій и шуринъ его панъ Хорунжій, а съ ними нѣсколько тысячъ воиновъ. Поляки расположились лагеремъ въ Збаражѣ, сильно укрѣпили городъ, окруживъ его валомъ и рвомъ, наполненнымъ водою.

Въ первый день мѣсяца Ава 5409 (Августъ 1649) явился ханъ съ несмѣтнымъ войскомъ, а также злодѣй Хмѣль съ громаднымъ количествомъ казаковъ и окружили польскій лагерь на далекомъ разстояніи; близко же они не могли подойти, такъ какъ изъ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ и убивали ихъ тысячами. Такимъ образомъ они осаждали польскій лагерь семь дней, пока многіе паны не вымерли съ голоду; тогда же палъ въ битвѣ и полководецъ Фирлей. Но князь Вишневецкій ободрилъ народъ, показавъ ему имъ же составленныя грамоты, въ которыхъ будто король обѣщаетъ прійти на помощь со многими войсками. На самомъ же дѣлѣ этого

не было, такъ какъ никто не могъ ни выходить, ни входить; а сдѣлалъ онъ это только съ цѣлью укрѣпить духъ народа; въ противномъ случаѣ народъ сдался-бы непріятелю вслѣдствіе страшнаго голода, свирѣпствовавшаго въ польскомъ лагерѣ до такой степени, что питались лошадьми и собаками. Случилось, впрочемъ, что князь Вишневецкій подводилъ подкопы, по которымъ онъ съ своимъ шуриномъ Хорунжіемъ и войскомъ дѣлалъ неожиданныя вылазки въ непріятельскіе лагеря, гдѣ производилъ большія рѣзни. Онъ же, Вишневецкій, всегда былъ впереди всѣхъ, ободряя войско и не давая ему пасть духомъ.

Король Казиміръ, узнавъ о томъ, что польскій лагерь находится въ осадномъ и бѣдственномъ положеніи, самолично отправился въ своей *колесницѣ* на войну во главѣ 20,000 тысячъ славныхъ ратниковъ; за нимъ стали собираться и польскіе паны. Но онъ не хотѣлъ ихъ ждать и поспѣшилъ на помощь своему осажденному народу. Но какъ только король приблизился къ непріятельскому лагерю, онъ былъ окруженъ сотнями тысячъ татаръ и казаковъ. Все королевское войско ужаснулось и оторопѣло, такъ что никто не осмѣливался обнажить свой мечъ. Король оглянулся во всѣ стороны и увидѣвъ,

что у воиновъ опустились руки, пришелъ въ ярость и воспылалъ гнѣвомъ. Его чуть-чуть не захватили татары въ плѣнъ, но онъ съ своимъ войскомъ кое-какъ успѣлъ ускользнуть и добраться до Збарова, откуда онъ сражался съ непріятелями около двухъ дней.

Между тѣмъ король послалъ своего адъютанта Оссолинскаго къ хану, чтобы войти съ нимъ въ соглашеніе и заключить миръ, вслѣдствіе чего Хмѣль, конечно, поневолѣ долженъ будетъ, дать и свое согласіе. Такимъ образомъ война противъ короля тотчасъ прекратилась, и ханъ отправился съ нѣсколькими стами человѣкъ въ Збаровъ, чтобы самому вести съ королемъ переговоры на счетъ мира. Миръ состоялся съ тѣмъ, чтобы король далъ хану 200,000 золотыхъ, въ виду того, что первый не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія уплачивать ежегодно опредѣленную дань хану. Къ тому же присовокуплено было условіе, чтобы польскіе воеводы дали ему особый выкупъ въ 100,000 золотыхъ. Король далъ хану до высылки ему контрибуціи нѣсколко знатныхъ вельможъ въ заложники.

Когда злодѣю Хмѣлю стало извѣстно, что татары помирились съ королемъ, онъ сильно встревожился и также отправился въ Збаровъ

къ королю, упалъ къ его ногамъ, слезно умолялъ его о прощеніи, объясняя, что паны-то сами были причиною всего содѣяннаго имъ, и вообще говорилъ съ королемъ о многихъ дѣлахъ, которыя остались втайнѣ. Король, считая для себя униженіемъ разговаривать съ ними лично, сносился чрезъ посредника. Состоялось соглашеніе, чтобы Хмѣль съ своею ратью возвратился въ свой край, куда король пошлетъ пять вельможъ, названныхъ по польски *комисарами*, которые будутъ вести переговоры съ Польшею и казаками. Желаніе же Хмѣля заключалось въ томъ, чтобы число казаковъ, неплатящихъ никакихъ налоговъ, было по прежнему 30,000, и чтобы эти казаки имѣли право выбрать какіе имъ угодно мѣста для жительства, — будь эти мѣста королевскія или панскія; чтобы Чигиринъ съ его округомъ былъ предоставленъ ему, Хмѣлю, въ потомственное владѣніе; чтобы онъ или кто другой изъ казаковъ считался однимъ изъ семи воеводъ и участвовалъ бы въ королевскомъ совѣтѣ; чтобы евреи не селились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить вышесказанные 30,000 казаковъ. Сверхъ того онъ предложилъ много другихъ условій, исполненіе которыхъ было немыслимо. На сей разъ король уклонился, уговоривъ его возвра-

титься домой и обѣщая, что пять комисаровъ уже уладятъ съ ними дѣло.

Послѣ всего сказаннаго возвратились татары и казаки во свояси. По дорогѣ, однакожъ, татары выместили свой гнѣвъ на казаковъ тѣхъ городовъ и селеній, которые продолжали еще мятежничать противъ короля. Нѣкоторые говорятъ, что самъ король далъ имъ право опустошать тѣ мѣстности, въ которыхъ были отчаянные бунтовщики. Такимъ образомъ они сожгли Острогъ, Заславль, Кременецъ, Базилію и Сатановъ съ ихъ окрестностями до Каменецъ-Подольска. Вообще они опустошили и сожгли всѣ мѣстности на пространствѣ 20-ти квадратныхъ миль, а жившіе тамъ русскіе отчасти были перебиты, и тысячами были взяты татарами въ плѣнъ; остались же въ живыхъ лишь тѣ, которые скрывались въ лѣсахъ и кустарникахъ. Эти несчастные сами сознавали, что заслужили такую кару... Затѣмъ страна отдохнула отъ войны впродолженіе 5410—11 г. (1650—1) — до праздника Пасхи.

Послѣ праздника Кущей 5410 г. возвратились въ свои земли и помѣстья польскіе паны, а также жалкіе остатки осиротѣлыхъ евреевъ; но эти послѣдніе находились въ крайней нищетѣ

и не могли оправиться, потому что вездѣ была страшная дороговизна, и не было никакихъ источниковъ для пропитанія, такъ какъ бѣднякирусскіе сами умирали тысячами съ голоду, и не столько за недостаткомъ продуктовъ, сколько за недостаткомъ денегъ, ибо татары и казаки ограбили всѣ ихъ деньги и имущества. Изъ богатыхъ русскихъ нѣкоторые бѣжали за Днѣпръ къ казакамъ, боясь мести пановъ, а нѣкоторые, хотя имѣли деньги, закопали ихъ въ землю, чтобы паны не отняли ихъ, и притворялись бѣдными.

Не смотря на то, что евреи были въ крайней нищетѣ, тѣмъ не менѣе народъ и паны смотрѣли на нихъ, какъ на богатыхъ и неотступно требовали отъ нихъ денегъ. Король и паны взыскивали съ нихъ налоги, но евреи, не имѣя ни мѣднаго гроша, отдавали имъ десятину изъ оставшихся драгоцѣнныхъ вещей и платьевъ, которыя были оцѣнены весьма низко. Затѣмъ прибавились у евреевъ и другіе новые расходы, какъ напримѣръ извѣстная плата въ пользу воиновъ и т. под. Они должны были давать вторично по десятинѣ отъ оставшагося, такъ что въ ихъ рукахъ не осталось и десятой части ихъ имущества. Бѣдность все болѣе и болѣе возрастала. При всемъ

томъ евреи воздавали хвалу и благодарность Всевышнему за ниспосланный миръ. За то въ мѣстахъ, гдѣ жили казаки, была оживленная и выгодная торговля, ибо всѣ обогатились награбленнымъ еврейскимъ и панскимъ добромъ; но ни одинъ панъ или еврей не могъ проникнуть туда, пока не состоялось особое соглашеніе съ ними. Дозволялось же панамъ и евреямъ жить тамъ только до города Паволочи включительно. Казаки удержали много русскихъ областей на разстояніи ста квадратныхъ миль въ залогѣ, пока паны не уладятъ съ ними миръ.

Въ это время польскимъ королемъ былъ обнародованъ по всему королевству эдиктъ, въ силу котораго всякій, перемѣнившій религію свою противъ воли, могъ открыто къ ней возвратиться. Такимъ образомъ насильно окрещенные евреи возвратились въ лоно іудейства. Въ мѣстахъ, гдѣ евреи имѣли право жить, они публично перешли въ іудейство, но окрещенные, жившіе на казачьихъ земляхъ, гдѣ евреямъ запрещено было селиться, должны были убѣжать оттуда, если желали вновь исповѣдывать религію своихъ предковъ. Женщины же, вышедшія замужъ за казаковъ, также ушли въ еврейскія селенія. Такимъ образомъ нѣсколько сотъ насильно

окрещенныхъ опять сдѣлались евреями. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ взрослые евреи были перебиты, оставшіеся въ живыхъ ихъ мальчики и дѣвочки были окрещены; ихъ то евреи отняли силою у христіанъ, написали для каждаго талисманъ, на которомъ, по наведеніи надлежащихъ справокъ, обозначено было происхожденіе ребенка, и повѣсили ему на шею. Многія женщины сдѣлались „агунотъ“ *), точно также многія вдовы сдѣлались „агунотъ“ вслѣдствіе того, что братья ихъ покойныхъ мужей (не оставившихъ дѣтей) ушли неизвѣстно куда.**) Для нихъ то великіе ученые, представители четырехъ главныхъ еврейскихъ эпархій, издали много благодѣтельныхъ постановленій, съ цѣлью облегчать ихъ участь. Затѣмъ установленъ былъ на всегда *постъ* во всей Польшѣ на 20 день мѣсяца Сиванъ (Іюнь), именно въ тотъ день, въ который произошла рѣзня въ г. Немировѣ***); ибо всѣмъ извѣстно,

*) Агуна (м. ч. агунотъ) — женщина, мужъ которой находится въ безвѣстной отлучкѣ. Еврейскій законъ запрещаетъ таковой женщинѣ вступить въ новый бракъ, не взирая на продолжительностъ такого отсутствія. — М.

**) Вдовѣ бездѣтнымъ умершаго брата воспрещено вступить въ бракъ до совершенія ею надъ братомъ покойнаго извѣстнаго обряда обутія — „халуца“ (См. Второзак. гл. XXV, 5—9). — М.

***) Этотъ постъ соблюдается и нынѣ набожными ев-

что эта была первая община, которая сама обреклась и предалась избіенію ради освященія имени Господа. Да зачтутся намъ ихъ заслуги и да умилосердуетъ Богъ ихъ души!

Послѣ этихъ событій, король возвысилъ князя Вишневецкаго надъ всѣми панами и назначилъ его фельдмаршаломъ всей польской арміи, но онъ не согласился принять этотъ санъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ предоставленъ ему пожизненно, чтобы даже въ случаѣ возвращенія изъ плѣна другихъ воеводъ, никто не имѣлъ бы права отнять у него это отличіе; тогда только онъ обѣщалъ отправиться во главѣ всего польскаго войска за Днѣпръ, и съ Божіею помощью покорить всѣхъ казаковъ и возвратить каждому обратно его владѣніе.

Хмѣль, узнавъ объ этомъ и опасаясь, чтобы король не принялъ предложенія Вишневецкаго, любимца всего народа, спѣшилъ послать къ хану, прося его освободить изъ заключенія двухъ полководцевъ, за которыхъ онъ, Хмѣль, отдастъ ему оставшіяся за ними недоплаченныя деньги. Сдѣ-

---

реями въ Россіи и Галиціи; въ этотъ роковой день служатъ въ синагогахъ панихиды по убитому раби Іехіэлю и другимъ угодникамъ-мученикамъ и читаютъ соотвѣтствующія событіямъ молитвы (селихотъ). — М.

лалъ же онъ это не изъ любви къ нимъ, а изъ ненависти къ князю Вишневецкому, дабы тотъ не сдѣлался фельдмаршаломъ. Ханъ такъ и поступилъ: выпустилъ на волю обоихъ воеводъ, а именно: Потоцкаго и Калиновскаго. Король и сановники, не зная причины, были сильно удивлены неожиданнымъ освобожденіемъ воеводъ, которые и заняли свои прежніе посты.

Въ это время Хмѣль со всѣмъ своимъ войскомъ вторгнулся въ Валахію и опустошилъ ее за то, что валахи укрыли многихъ пановъ и евреевъ, а также за то, что они силою отняли у татаръ нѣсколько сотъ плѣнниковъ и отпустили ихъ на свободу. Казаки возвратились изъ Валахіи, захвативъ съ собою огромную добычу, большая часть которой была продана евреямъ. Но ни одинъ изъ евреевъ не потерпѣлъ отъ этого нашествія, такъ какъ на сей разъ ихъ оставили въ покоѣ.

Въ тоже самое время противъ польскаго короля поднялись и русскіе, жившіе въ московскомъ царствѣ, къ которымъ приставали и праздношатающіеся казаки. Тогда Хмѣль написалъ письмо къ королю, совѣтуя ему не тревожиться возстаніемъ москвитянъ, потому что онъ съ казаками отправится противъ нихъ

и усмиритъ бунтовщиковъ. Но проницательный король понялъ его умыселъ; — что онъ ищетъ только предлога для достиженія своихъ цѣлей, и поневолѣ заключилъ миръ съ москвитянами.

Въ сказанное время король послалъ почетныхъ пановъ — *комисаровъ*, чтобы уладить съ казаками; но стороны не могли сойтись, такъ-какъ казаки заявили много требованій, которыя не могли быть приняты королемъ и панами. Въ такомъ положеніи тянулось дѣло до Пасхи 5411 года (1651 г.).

Предъ упомянутой Пасхой собрались въ четвертый разъ казаки, и евреямъ пришлось испить *четыре* чаши горечи*): они были избиты сотнями и взяты въ плѣнъ, такъ что послѣднія бѣдствія заставили забыть первыя. Евреи въ четвертый разъ бѣжали до Львова. Противъ казаковъ отправился король съ 300,000 храбрыхъ польскихъ воиновъ, 80,000 нѣмцевъ, французовъ и саксонцевъ, а также 1000 воиновъ изъ евреевъ, а еще 300,000 поляковъ остались около Люблина, дабы скопленіе ихъ на одномъ мѣстѣ не произвело бы голода. Со времени существо-

*) Намекъ на извѣстныя четыре чаши вина, обязательныя для каждаго еврея при трапезѣ перваго пасхальнаго вечера. — М.

ванія польскаго королевства до настоящаго времени не было сосредоточено такой громадной массы поляковъ, какъ на этотъ разъ; но татары и казаки были также въ несмѣтномъ количествѣ.

Король устроилъ большой лагерь и разбилъ свою палатку въ Сокольскомъ монастырѣ; остальные поляки расположились лагеремъ между Соколомъ и Берестечкомъ, а съ ними оба воеводы и князь Вишневецкій. Вдругъ прибыли татары и казаки съ большимъ крикомъ и шумомъ, по обычаю своему, желая напасть на поляковъ, и будучи увѣрены, что и на этотъ разъ счастье имъ улыбнется; но теперь уже Всемогущій не оставилъ насъ и короля нашего. Хотя сначала удача была на сторонѣ непріятеля, но потомъ поляки стали брать верхъ, ибо помощь нѣмецкихъ жолнеровъ подкрѣпила ихъ, и они разбили на-голову непріятельское войско.

Съ большимъ стыдомъ ханъ убѣжалъ во свояси въ вопровожденіи немногочисленнаго отряда, захвативъ съ собою злодѣя Хмѣля, за то, что онъ не предупредилъ его о многочисленности польской арміи, вслѣдствіе чего онъ, ханъ, долженъ былъ постыдно бѣжать съ жалкими остатками, потерявъ всю свою рать и оставивъ

въ плѣну у польскаго короля всѣхъ своихъ вельможъ, въ числѣ коихъ былъ и его племянникъ.

Оставленные своимъ союзникомъ, казаки были осаждаемы поляками продолжительное время, пока не принуждены были бѣжать ночью, оставивъ свои палатки, коней, обозы со всякимъ добромъ, словомъ — весь лагерь. Король же съ тріумфомъ и ликованіемъ возвратился домой со всѣми магнатами и воинами — 17 Ава 5411 (Августъ 1651). Ханъ написалъ королю, чтобы онъ освободилъ его племянника, взамѣнъ котораго онъ выдастъ ему Хмѣля, а также 4,000 польскихъ знатныхъ пановъ, находившихся у него въ плѣну. Король на это не согласился и гордо отвѣтилъ ему, что онъ можетъ держать Хмѣля сколько угодно и что онъ, король, самъ за нимъ придетъ, намекая этимъ на то, что онъ собирается въ походъ противъ татаръ. Король дѣйствительно послалъ своихъ двухъ воеводъ и князя Вишневецкаго, во главѣ 150,000 храбрыхъ воиновъ, съ цѣлью покорить казачьи города въ Россіи, а затѣмъ пойти на татаръ. Желаніе короля было исполнено: русскіе города были постепенно покоряемы поляками.

Въ это время паны начали завидовать Виш-

невецкому, слава котораго все болѣе и болѣе возрастала, и онъ былъ ими отравленъ. Да будетъ память его благословленна! Онъ оставилъ послѣ себя шестьнадцати-лѣтняго сына, отличавшагося также военною доблестью и заступившаго мѣсто своего отца.

Когда ханъ узналъ о смерти Вишневецкаго и о походѣ двухъ воеводъ противъ него, онъ опять помирился съ Хмѣлемъ, который далъ за себя выкупъ 18 милліоновъ, а именно 18 разъ 100,000 (?) золотыхъ, да еще доставилъ ему военную помощь. Такимъ образомъ татары и казаки съ огромными полчищами собрались въ пятый разъ воевать противъ короля. И такъ, послѣ еврейскихъ праздниковъ*) 5412 (1651), возобновилась въ Польшѣ великая война, продолжающаяся до настоящаго дня: то непріятели берутъ верхъ, то король, а евреи все бѣднѣютъ да бѣднѣютъ. Къ этому еще присоединяется страшная смертность во всей Польшѣ. Въ Краковѣ и въ другихъ еврейскихъ общинахъ впродолженіи лѣта 5412 (1652,) вымерло болѣе 120,000 душъ. Да сжалится Господь надъ этими несчастными! Вообще до настоя-

*) Т. е. въ исходѣ мѣсяца Сентября. — М.

щаго дня война, голодъ и чума господствуютъ во всѣхъ польскихъ областяхъ, такъ что „*послѣднія бѣдствія заставляютъ забывать предшествовавшія*“*) и день-ото-дня несчастье все возрастаетъ: „вечеромъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ утра, а утромъ — вечера“**). Свершилось надъ нами проклятіе Моисея: „И всякую болѣзнь и всякую язву, даже и не написанную въ сей книгѣ Завѣта, Господь наведетъ на тебя и останется васъ немного вмѣсто того, что вы были безчисленны, словно звѣзды на небесахъ... и разсѣетъ тебя Господь по всѣмъ народамъ отъ одного края земли до другаго“.***) Что намъ говорить? Чѣмъ оправдаться? Можемъ-ли мы отрицать нашу виновность, когда грѣхи наши свидѣтельствуютъ противъ насъ? Всевышній же уличилъ своихъ рабовъ въ прегрѣшеніяхъ, а судъ Его правдивъ! Мы можемъ развѣ утѣшаться тѣмъ, что „Господь кого любитъ, того и наказываетъ“****); и по поводу этого можно вспомнить талмудическое толкованіе стиха: „Начинайте съ моихъ *святынь*“ —

---

*) Тр. Берахотъ, листъ 13. а. — М.

**) Второзакон., гл. XXVIII, 67. — М.

***) Ibid. 61—62. — М.

****) Притчи, гл. III, 12. — М.

а по другому чтенію „*святителей*“ *). Извѣстно, что съ того дня какъ наша святыня, іерусалимскій храмъ, былъ разрушенъ, праведники несутъ наказанія за грѣхи своихъ современниковъ **).

Описаніе быта евреевъ въ Польшѣ.

Въ трактатѣ „*Аботъ*“ сказано: „Симеонъ Праведникъ, одинъ изъ послѣднихъ членовъ Великаго Собора, говаривалъ, что міръ зиждется на трехъ основахъ: на *изученіи Торы,* на *богослуженіи* и на *благотворительности*“; а раби Симонъ сынъ-Гамліэлевъ утверждалъ, что свѣтъ держится на слѣдующихъ трехъ основахъ: *правосудіи, правдѣ и миролюбіи*“ ***). Въ самомъ дѣлѣ, на этихъ шести основахъ покоился бытъ евреевъ въ польскомъ королевствѣ.

I.) Основа изученія Торы. Фактъ общеизвѣстный, не требующій доказательствъ, что ни въ какихъ еврейскихъ общинахъ Тора не изуча-

*) Іезек., гл. IX, 6. — Талмудъ. тр. Суббота. л. 55. а. — М.

**) Субб., л. 33, b. — М.

***) Пирке-Аботъ (Изрѣченія отцовъ синагоги, или „Трактатъ о принципахъ“) гл. I, мишны 2 и 18. — М.

лась такъ усердно, какъ въ Польшѣ, гдѣ во всякой общинѣ былъ учрежденъ *ешиботъ* (богословская академія, бурса), ректору котораго выдавались громадныя суммы, дабы онъ могъ содержать ешиботъ въ довольствѣ и цѣликомъ посвятить себя наукѣ. Ректоръ не выходилъ цѣлый день на улицу, развѣ только изъ ешибота въ синагогу, но сидѣлъ дома денно и нощно и занимался Торою. Каждая община содержала *бахуровъ* (юношей), которымъ выдавала ежедневно опредѣленную сумму, дабы они могли учиться у ректора. Каждому бахуру отдавалось не менѣе двухъ мальчиковъ, которымъ онъ преподавалъ все пройденное имъ по Талмуду и его комментаріямъ, съ цѣлью самому упражняться въ казуистическихъ преніяхъ. Мальчиковъ же содержали изъ кружекъ благотворительности, или же изъ общей кухни для бѣдныхъ. Если община состояла изъ 50 обывателей, она содержала не менѣе 30 бахуровъ и мальчиковъ. Обыкновенно одинъ изъ бахуровъ съ двумя подчиненными ему мальчиками находились у одного обывателя, за столомъ котораго по крайней мѣрѣ самъ бахуръ обѣдалъ всегда, наравнѣ съ дѣтьми его; и не смотря на то, что бахуру давали продовольствіе отъ общины, все-таки обыватель кормилъ его на

свой счетъ; а нѣкоторые, болѣе щедрые обыватели кормили и мальчиковъ. Да вообще не было во всемъ королевствѣ ни одного еврейскаго дома, въ которомъ не изучали бы Торы: или самъ хозяинъ былъ ученъ, или сынъ, или зять, либо одинъ изъ нахлѣбниковъ-бахуровъ занимался Торою; а иногда всѣ члены семейства были учеными. Они исполняли всѣ три условія, о которыхъ Рава упоминаетъ въ 1-ой главѣ трактата „Суббота“: — „Равва говорилъ: кто любитъ ученыхъ, у того будутъ дѣти ученые; кто почитаетъ ученыхъ, у того будутъ зятья ученые, а кто благоговѣетъ предъ учеными, тотъ самъ сдѣлается ученымъ“*). Вслѣдствіе сказаннаго, всякая община изобиловала учеными. Если община состояла изъ 50 обывателей, между ними было непремѣнно 20 ученыхъ, удостоенныхъ почетныхъ титуловъ „*морейну*“ (учитель) и „*хаверъ*“ (знатокъ, коллега), а главою ихъ былъ ректоръ ешибота, которому всѣ подчинялись, а его ешиботъ всегда посѣщалась ими.

Порядокъ преподаванія былъ слѣдующій. Обязательное учебное время въ ешиботѣ для бахуровъ и мальчиковъ, подъ руководствомъ

*) Тр. Суббота, л. 23 b. — М.

ректора, было: лѣтомъ съ 1 числа мѣсяца Іора (Апрѣль) до 15 Ава (Августъ), а зимою съ 1 Хешвана (Октябрь) до 15 Шебата (Январь); остальное же время лѣта и зимы бахуры и мальчики могли ѣхать учиться, куда имъ заблагоразсудится. Съ перваго Іора до праздника Семидесятницы (Шебуотъ), а также зимою съ 1 Хешвана до праздника Маковеевъ (Ханука) всѣ ешиботники изучали съ большимъ усердіемъ Талмудъ съ коментаріями Раши и Тосфотъ. Ежедневно они проходили *галаху*, т. е. одну страницу Талмуда съ упомянутыми коментаріями. Всѣ ученые и бахуры общинъ, равно всѣ имѣвшіе хоть кое-какія познанія, посѣщали ешиботъ. Одинъ только ректоръ сидѣлъ на каѳедрѣ, ученые же и прочіе ешиботники стояли на ногахъ вокругъ него. До появленія ректора въ ешиботѣ они диспутировали между собою о галахѣ, а когда онъ являлся, каждый предлагалъ ему трудныя и неудобопонятныя мѣста, а тотъ давалъ свои объясненія. Затѣмъ всѣ умолкали и ректоръ излагалъ открытыя имъ новыя толкованія въ галахѣ; послѣ этого онъ произносилъ „*хилукъ*“, т. е. отмѣчалъ запутанныя мѣста въ *гемарѣ* (текстъ Талмуда) и въ Раши и Тосфотъ, указывалъ на противорѣчія въ нихъ, за симъ

остроумными пріемами устранялъ эти противорѣчія; потомъ доказывалъ несостоятельность своихъ же объясненій и пріискивалъ доугія, предлагалъ для одной задачи нѣсколько способовъ рѣшенія. Это разнообразное упражненіе онъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока смыслъ галахи не становился вполнѣ яснымъ. Изъ ешибота не расходятся лѣтомъ по крайней мѣрѣ до полудня. Начиная же съ Пятидесятницы до Новаго Года (въ Сентябрѣ); а также съ Маковеевъ до Пасхи, ректоръ не особенно много произносилъ *хилукимъ*, а изучалъ зо слушателями Арба-Туримъ*) съ комментаріями; съ бахурами же — *Рабъ-Альфесъ***) или другія богословскія книги. Во всякомъ случаѣ они занимались Талмудомъ съ комментаріями до 15 Ава и до 15 Шебата. Съ этого же времени, зимою до Пасхи и лѣтомъ до Новаго Года, онъ занимался исключительно *Сводомъ Узаконеній* и другими сочиненіями. Нѣсколько недѣль предъ 15 Ава и 15 Шебата онъ,

*) Т. е. 4 Свода Узаконеній, соч. раби Якова, жившаго въ XIV. вѣкѣ; оно въ свою очередь снабжено многими комментаріями — М.

**) Весьма удачное и разумное сокращеніе Талмуда, испанскаго ученаго раби Исаака Альфесса (изъ Феца), жившаго въ концѣ XI. в. Оно помѣщается въ концѣ каждаго трактата Талмуда съ особыми комментаріями. — М.

ректоръ, *чествовалъ* каждаго изъ своихъ ешиботниковъ, предлагая ему произносить вмѣсто себя *хилукъ* публично, какъ предъ учеными, такъ и предъ бахурами. Онъ самъ присутствовалъ при произнесеніи ими *хилулимъ* и вступалъ въ пренія, дабы ешиботники изощряли свой умъ. Во всей Польшѣ въ одно и тоже время изучали одинъ и тотъ же трактатъ Талмуда и такимъ образомъ проходили всѣ шесть его отдѣловъ. Каждый ректоръ имѣлъ при себѣ надзирателя, который обходилъ ежедневно всѣ *хедеры* (училища), наблюдая, чтобы мальчики какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ родителей безостановочно занимались, внушая имъ ревностно учиться впродолженіи всей недѣли и не гулять по улицамъ. По четвергамъ всѣ мальчики были обязаны купно отправляться къ „*габай*“ (попечитель), завѣдывающему Талмудъ-Торою. Габай экзаменовалъ ихъ изъ пройденнаго ими во всю недѣлю, а незнавшаго чего-нибудь или ошибившагося, надзиратель, по приказанію габбай, наказывалъ розгами и сильно стыдилъ его въ присутствіи сотоварищей, дабы онъ помнилъ, что на будущую недѣлю слѣдуетъ ему получше учиться. Въ пятницу всѣ мальчики вмѣстѣ отправлялись также къ ректору для испытанія.

Вслѣдствіе сказаннаго, мальчики находились въ постоянномъ страхѣ и занимались усердно и усидчиво. Даже въ три полупраздничные дни передъ Пятидесятницей или въ праздникъ Маковеевъ, бахуры и мальчики должны были повторять пройденное во все это полугодіе, за что они получали въ подарокъ опредѣленную сумму денегъ. Таковъ былъ порядокъ занятій лѣтомъ до 15 Ава, и зимою до 15 Шебота. Затѣмъ, въ вакантное время, ректоръ отправлялся со всѣмъ составомъ ешибота, бахурами и мальчиками, на ярмарку, лѣтомъ въ Заславль и Ярославль, а зимою въ Львовъ и Люблинъ; тамъ учащіеся уже имѣли право отправиться для ученія въ какой угодно ешиботъ. Такимъ образомъ на ярмарку съѣжалось нѣсколько сотъ ректоровъ, нѣсколько тысячъ бахуровъ и нѣсколько десятковъ тысячъ мальчиковъ, а также несмѣтное количество купцовъ евреевъ и христіанъ; ибо на упомянутыя ярмарки стекались люди со всѣхъ концовъ свѣта. Кто имѣлъ женить сына или выдать замужъ дочь, отправлялся на ярмарку, гдѣ и сваталъ ихъ, такъ какъ тамъ именно родители могли находить подходящія партіи; и такъ, на этихъ ярмаркахъ состоялись сотни и даже тысячи помолвокъ. Еврейскіе

мужчины и женщины одѣвались на ярмаркахъ въ дорогія платья, ибо они были въ почетѣ у правительства и христіанъ вообще. Число же евреевъ въ Польшѣ было велико; только нынѣ, за грѣхи наши, оно стало гораздо меньше. Да умилосердствуетъ ихъ Господь! Во всѣхъ общинахъ ректору воздавали почести: словамъ его внимали какъ бѣдные, такъ и богатые, и никто не думалъ противорѣчить ему. Безъ его вѣдома никто не смѣлъ что либо предпринимать, а рѣшеніе его было неизмѣнно. Онъ былъ облеченъ правомъ наказывать плетьми, налагать штрафы и позорить провинившихся, издавать постановленія и предохранительныя правила для удержанія единовѣрцевъ отъ запретнаго. Не смотря на это, онъ пользовался любовью народа. Всякій, кто обладалъ чѣмъ нибудь особеннымъ, напримѣръ, откормленною птицею, хорошей рыбою, преподносилъ ему половину или все цѣликомъ; давали ему также подарки деньгами, золотыми и серебрянными вещами во множествѣ. Въ синагогѣ также всѣ покупатели *мицвотъ**) чество-

*) Евреи, прихожане синагогъ, обыкновенно жертвуютъ различныя суммы за присутствіе на амвонѣ — при чтеніи опредѣленныхъ отдѣловъ Пятикнижія по субботамъ и праздникамъ, а также за исполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ при общественномъ богослуженіи. — М.

вали ими ректора. Въ субботы и первые дни праздниковъ онъ долженъ былъ быть призванъ къ чтенію Пятикнижія всегда *третьимъ*; если же онъ былъ *коганомъ* или *левитомъ*, его вызывали первымъ или вторымъ, или же послѣднимъ, хотя въ синагогѣ было много другихъ когановъ и левитовъ*). Никто въ субботу и праздникъ не выходилъ изъ синагоги раньше ректора, а за нимъ слѣдовали ешиботники, за которыми уже выходили прочіе прихожане, провожавшіе его до дома. Въ праздники всѣ члены общины посѣщали его на дому. Такимъ почестямъ завидовали всѣ ученики и старательно занимались наукою, чтобы современемъ достигнуть такого же сана — сдѣлаться ректоромъ въ какой-нибудь общинѣ. И такъ, занимаясь сначала съ корыстною цѣлью, впослѣдствіи уже занимались наукой ради науки**), а страна между тѣмъ преисполнилась познаній.

II.) Основа богослуженія. Въ настоящее

*) Евреи традиціоннымъ образомъ сохранили происхожденіе (родословіе) отъ потомковъ первосвященника Аарона и Леви: они пользуются и теперь и нѣкоторыми почестями при богослуженіи (Оттуда фамиліи: Коганъ, Кагана, Кацъ, (сокращеніе словъ: Когенъ Цедекъ, т. е. настоящій сбященникъ), Капланъ, Леви, Левинъ, Левитъ и т. д.) — М.

**) Это дозволено Талмудомъ, тр. Сота. л. 47, — М.

время (по разрушеніи іерусалимскаго храма) молитва заступаетъ мѣсто священнодѣйствія и жертвоприношенія, ибо въ Писаніи сказано: „*Принесемъ въ жертву уста наши* (т. е. молитвы) *взамѣнъ тельцевъ.*“*) Организовано же было богослуженіе на весьма отличныхъ началахъ. Прежде всего надо упомянуть о томъ, что существовало братство, члены котораго вставали до разсвѣта, чтобъ молиться и оплакивать разрушеніе храма. Съ разсвѣтомъ вставало другое братство псаломщиковъ, которые читали псалмы около часа предъ утренней молитвой, такъ что въ продолженіи недѣли кончали весь Псалтирь. Сохрани Богъ, чтобы кто проспалъ время утренней молитвы и не пошелъ бы въ синагогу, — развѣ въ случаѣ крайнихъ обстоятельствъ. Никто не выходилъ изъ синагоги по своимъ дѣламъ, пока не выслушалъ слова Божія изъ устъ ученаго, или же комментаріевъ Раши на Пятикнижіе, Мишну, либо Законоположенія, — смотря по желанію; ибо во всѣхъ синагогахъ были различныя группы ученыхъ, которые утромъ и вечеромъ послѣ молитвы преподавали слово Божіе. Этимъ они исполнили слова псалмопѣв-

*) Осія, гл. XIV 3 — М.

ца: „Переходятъ они (набожные пилигримы) отъ сонма въ сонмъ, пока не являются предъ Господомъ на Сіонѣ!“ *).

III.) Основа благотворительности. Благотворительность въ Польшѣ была безпредѣльна. На первомъ планѣ стояло гостепріимство. Когда пріѣзжалъ какой нибудь ученый или проповѣдникъ, то даже въ тѣхъ общинахъ, гдѣ было заведено выдавать гостямъ билеты на обѣды, онъ не долженъ былъ унижаться до полученія таковыхъ, а отправлялся гостить къ кому-либо изъ представителей общины, куда ему заблагоразсудилось; и тамъ онъ гостилъ столько времени, сколько желалъ. Кромѣ того, ему присылалась чрезъ кагальнаго служителя приличная сумма денегъ, по усмотрѣнію представителя общины въ данный мѣсяцъ **). Другіе пріѣзжіе гости получали билеты, по которымъ гостили у очереднаго

*) Псаломъ XXXIV, 8. по толкованію Талмуда, Берахотъ, л. 64, — М.

**) Въ былое время текущими дѣлами большихъ еврейскихъ обществъ обыкновеино завѣдывали 12 выборныхъ почетныхъ лицъ, каждый въ теченіи одного мѣсяца въ году, а только чрезвычайныя дѣла рѣшались ими коллегіально; отсюда и понынѣ сохранился въ народѣ титулъ парнесъ-ходешъ (мѣсячный попечитель) за представителями обществъ. — М.

обывателя нѣсколько дней, смотря по желанію гостя, по крайней мѣрѣ три дня, въ теченіе которыхъ ихъ кормили и поили три раза въ день. При отъѣздѣ гостя, его снабжали провизіею и отправляли на подводахъ изъ общины въ общину. Если пріѣзжали изъ дальныхъ странъ молодые люди или пожилые, или дѣвицы, то ихъ, въ случаѣ надобности, немедленно одѣвали, и если кто желалъ учиться ремеслу, его отдавали ремесленнику; кто желалъ служить, тому пріискивали мѣсто, а кто заявлялъ желаніе заниматься наукою, тому нанимали меламеда; а впослѣдствіе, если онъ сдѣлался достойнымъ молодымъ человѣкомъ, то его принималъ въ свой домъ какой нибудь богачъ, который отдавалъ ему въ жены свою дочь, съ приданнымъ въ нѣсколько тысячъ золотыхъ и роскошнымъ гардеробомъ. Послѣ свадьбы тесть отсылалъ его изъ дома учиться въ большіе ешиботы, а по возвращеніи его домой, по истеченіи двухъ-трехъ лѣтъ, тесть устраивалъ для него въ своемъ домѣ особый ешиботъ, щедро награждая ученѣйшихъ мѣстныхъ обывателей, дабы они посѣщали этотъ новый ешиботъ нѣсколько лѣтъ сряду, пока зять его не сдѣлается, наконецъ, ректоромъ въ какой нибудь общинѣ. —

Случалось, что покровительствуемый мальчикъ еще не былъ достойнымъ, но обнаруживалъ особенную склонность къ ученію, такъ что можно было ожидать, что онъ современемъ сдѣлается ученымъ —, тогда одинъ изъ богачей, имѣвшій малолѣтнюю дочь, кормилъ его, одѣвалъ и давалъ ему все нужное, пока тотъ не становился благообразнымъ юношей, а затѣмъ выдавалъ за него и свою дочь. Можно-ли найти благотворительность, превосходящую таковую! Во всѣхъ областяхъ королевства, для бѣдныхъ дѣвушекъ были установлены полезныя мѣры для обезпеченія ихъ участи. Ни одна бѣдная дѣвушка не выходила замужъ позже 19-ти лѣтняго возраста. Многія набожныя женщины занимались этимъ богоугоднымъ дѣломъ. Да вознаградитъ ихъ Господь по заслугамъ и да умилосердуетъ Онъ остатки Израиля!

IV.) Основа правосудія. Правосудіе существовало у евреевъ въ Польшѣ, какъ въ Іерусалимѣ до разрушенія храма. Въ каждомъ городѣ были открыты судилища. Не желавшіе судиться у мѣстныхъ судей отправлялись въ ближайшія судебныя мѣста, а кто не желалъ судиться и въ послѣднихъ, отправлялся въ главное судилище. Ибо въ каждой области было

и высшее судебное мѣсто; такъ напримѣръ въ г. Острогѣ находилось главное судилище Волыни и Украйны; Львовъ былъ мѣстомъ главнаго судилища *русской области,* и вообще большіе города имѣли свои главныя высшія судилища. Если же споръ возникалъ между самими представителями разныхъ общинъ, то они судились у представителей четырехъ эпархій, которые засѣдали два раза въ годъ. Сей судъ состоялъ изъ собравшихся изъ каждой главной общины по одному представителю, а къ нимъ присоединялись еще *шесть* великихъ ученыхъ авторитетовъ (гаоновъ) изъ Польши же. Этотъ то составъ и носилъ названіе *„Арба-гаарацотъ“* (Судъ *четырехъ эпархій).* Засѣдалъ онъ въ Люблинѣ во время ярмарки, которая происходила между праздниками Гамана и Пасхою, а также во время Ярославской ярмарки, въ мѣсяцахъ, Ава и Элула. Судьи этого состава пользовались такою же компетенціею, какъ и Синедріонъ во время оно. Имѣлъ онъ право творить судъ надъ польскими евреями, устанавливать предохранительныя религіозныя мѣры, издавать постановленія и наказывать по своему усмотрѣнію; провинившихся всякое запутанное дѣло представлялось на его обсужденіе. Пред-

ставители „Арба-гаарацотъ“ выбирали еще судей изъ областей для облегченія бремени своей должности: послѣдніе назывались областными судьями. Денежныя дѣла подлежали вѣдѣнію областныхъ судей, а наложеніе штрафовъ, споры о давности и другія важныя дѣла подлежали суду представителей „Арба-гаарацотъ“.

V.) Основа правды. Въ каждой общинѣ существовали надзиратели за вѣсами и мѣрами, а также за прочими торговыми дѣлами, чтобы они были ведены по правдѣ и справедливости.

VI.) Основа миролюбія. Библія гласитъ: „Господь дастъ силу народу Своему, Господь благословитъ народъ Свой миромъ“.*) Въ Польшѣ до такой степени была распространена ученость, что не случалось, чтобы трое, обѣдая вмѣстѣ, не разсуждали про Тору: всѣ обыкновенно бесѣдовали и диспутировали во все время обѣда о загадочныхъ мѣстахъ, встрѣчающихся въ Мидрашѣ**), чтобы этимъ осуществить слова Давидова: „И ученіе Твое *въ чревѣ* моемъ“***).

*) Псал. гл. XXIX, 11. Авторъ вѣроятно имѣлъ въ виду объясненіе Талмуда слова „сила“ (озъ), подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть только ученіе, Тору. — М.

**) Легендарное и иносказателное толкованіе Библіи. — М.

***) Псаломъ XX, 9. — М.

Всевышній и воздалъ имъ по ихъ достойнымъ заслугамъ, такъ-что даже во время ихъ пребыванія въ непріятельскихъ странахъ, Онъ ихъ не презиралъ, не расторгнулъ союза Своего съ ними, и куда бы они ни явились къ своимъ единовѣрцамъ, имъ оказывали великія благодѣянія. Большая часть нашихъ собратьевъ, томившихся въ плѣну у татаръ, были отвезены ими въ Константинополь, а также въ Салоники и въ другія турецкія общины; точно также въ Египетъ, Берберію и другія страны, гдѣ были разсѣяны евреи, и тѣ давали за нихъ въ видѣ выкупа большія денежныя суммы. И до настоящаго дня они не перестаютъ выкупать плѣнниковъ, привозимыхъ къ нимъ каждодневно. Да вознаградитъ ихъ Господь! Вообще убѣжавшіе отъ вражескаго меча въ чужія страны, какъ то въ Моравію, Австрію, Богемію, Германію и Италію, встрѣчали дружескій пріемъ со стороны своихъ единовѣрцевъ, которые снабжали ихъ жизненными припасами, ночлегомъ, платьями и многими подарками, каждому по достоинству, а также оказывали имъ и другія услуги, преимущественно въ Германіи, гдѣ жертвовали даже черезъ силу. Да зачтется имъ ихъ благотворительность и защититъ она ихъ и всѣ

еврейскія общины; да проживетъ Израиль мирно и спокойно во всѣхъ мѣстахъ пребыванія его; да заступятся ихъ заслуги за насъ и дѣтей нашихъ, дабы Господь внималъ воплямъ нашимъ, собралъ во-едино разсѣянныхъ по всему лицу земли единовѣрцевъ нашихъ и прислалъ намъ нашего праведника Мессія вскорѣ, въ наше же время. Аминь!

КОНЕЦЪ.

Bei Wolfgang Gerhard in Leipzig erschienen:

Żywot Tomasza Ostrowskiego, Ministra Rzeczypospolitej później Prezesa Senatu Xięstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego obejmujący Rys Wypadków Krajowych od 1811 Roku Do 1817 przez Antoniego Ostrowskiego Senatora-Wojewodę. 2 Tomy 1873. 12 M.

Historya Domu Rawitów-Ostrowskich związana z dziejami Polski, Litwy, Prus i Rusi składających Rzeczpospolitę polską, między latami 1190—1650 przez Leonarda Chodźkę z przedmową Karola Widmana zawierającą żywot Władysława Ostrowskiego ostatniego marszałka sejmu polskiego, w r. 1831. 2 Tomy 1873. 12 M.

Ostrowski, Kryst., Jamby polskie (1830—1862). 2 Tomy. 1863. 7 M. 50 Pf.

— — **Légendes et contes populaires du Sud** par un homme du Nord. 1863. Avec 1 gravure. 3 M.

Wskrzeszonego Ś. P. Jósefa Prawdomira (Herbu Prawdzic) **Nowe Fraszki,** czyli przestrogi i kolędy. 1882. 1 M.

Palumbo, Vito D., L'Alfabeto dell' Amore. canti rodii traduzione dal Greco medievale con prefazione del Professore A. De Gubernatis. 1882. 2 M.

— — **Traduzioni dal Greco Moderno.** Vita-Sogno, Dramma — Liriche — Appendice. 1881. 1 M.

Russicismen. Russische Redensarten und Sprichwörter mit gegenüberstehender deutscher Uebersetzung von Boris Manassewitsch. 1882. 1 M.

Demnächst erscheint:

Pizzi, Dr. Prof. Italo, **Manuale della Lingua Persiana,** Grammatica, Antologia, Vocabulario. ca. 20 M.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.